
Татьяна Щепанская
СИСТЕМА:
ТЕКСТЫ
И ТРАДИЦИИ
СУБКУЛЬТУРЫ

О·Г·И
Москва
2004

УДК 316.3
ББК 60.54
Щ 55

Редакционная коллегия:
А. С. Архипова (*редактор серии*), Д. С. Ицкович,
А. П. Минаева, С. Ю. Несклюдов (*председатель редакционной
коллегии*), Е. С. Новик

Научный редактор А. С. Архипова

Художник серии Н. Козлов

Щ55 **Щепанская Т.Б.**
Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. —
М.: ОГИ, 2004. — 286, [2] с.: ил.
ISBN 5-94282-108-9

Книга известного Санкт-Петербургского этнографа и социолога посвящена изучению молодежных субкультур, в том числе и наследников Системы 60-х годов. Монография написана доступным языком, снабжена большим количеством ярких этнографических наблюдений, иллюстрациями, словарем сленга и предназначена как для специалистов — социологов, этнографов, антропологов, семиологов, так и для широкого круга читателей.

УДК 316.3
ББК 60.54

ISBN 5-94282-108-9

© Т. Б. Щепанская, 2004
© ОГИ, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. В. Чистов. <i>Предисловие</i>	9
ВВЕДЕНИЕ	13
Предыстория и задачи исследования	14
Источники и методы сбора материала	16
Социопрагматический анализ	18
Структура исследования	26
«Субкультура» и смежные понятия	27
Глава 1	
СИСТЕМА. ОПИСАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ	35
1. Самоназвание и традиции	35
2. Тусовка	43
3. Межгрупповые отношения	47
4. Социальная локализация	50
Глава 2	
КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ	58
1. Невербальные коды	59
1.1. Пространственный код	59
1.2. Временной код	66
1.3. Предметный код	68
1.4. Телесный код	76
2. Вербальные стереотипы	89
2.1. Сленг	89

2.2. Телега	93
2.3. Смеховые жанры (стеб-культура)	96
2.4. Мистические жанры	102
2.5. Принципы интерпретации	109

Глава 3

КОДЫ ГРАНИЦ	114
1. Значение «антинормы»	115
2. Маркированная капсула	118
3. Пацифизация	125

Глава 4

ОБРЯДЫ ПОСВЯЩЕНИЯ	130
1. Обретение символа	130
1.1. Групповой символ	130
1.2. Получение феньки	131
1.3. Наречение имени	133
1.4. Освоение сленга	134
2. Ядерные структуры	136
2.1. Ядро консолидации	136
2.2. Персонификация группового символа	139
2.3. Центробежные потоки информации	143
2.4. Обучение	145
2.5. Символическая экспансия	147
3. Кристаллизация норм	149
4. Ритуалы трассы	152

Глава 5

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО	159
1. Коды коммуникативной структуры	159
1.1. Базовая личность	159
1.2. Нормативный комплекс: идеальный проводник	163
1.3. Структура поиска	169
2. Гендерное самоопределение	173
2.1. Неопределенность статуса и стиль «унисекс»	173
2.2. Задача брачного поиска	174
2.3. Улица любви: ритуалы знакомства	176
2.4. «Семейная» матрица	179

2.5. Мужская структура	181
2.6. Альтернативные женские роли	187

Глава 6

МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ	191
1. «Энергия» символа: четвертая интерпретация	191
2. Коды управления	194
2.1. Мифы пути	195
2.2. Мифы борьбы	199
2.3. Два типа лидеров	202
3. Сети посвященных	203
3.1. Олда	204
3.2. Хранители	205

Глава 7

ФОРМУЛА ТРИАДЫ	210
1. Обряды с феньками	211
1.1. Знаки связей	212
1.2. Обменные (съемные) феньки	214
1.3. Личные феньки	215
1.4. Вечные феньки (ритуал братания)	217
1.5. Дорогие феньки	219
1.6. Телеги и тележники	222
2. Групповая динамика	224
3. Триада и самовоспроизводство	229

Глава 8

АДАПТАЦИЯ СИМВОЛИКИ	234
1. Свет с Востока	234
2. Коды служения	235
3. Структура и символ	238
4. Смеховой барьер	246

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Метод раскодирования	249
1.1. Цепочка раскодирования	249
1.2. Мистическая тайна символа с полным ее разоблачением	250

1.3. Интерпретация и действие	253
2. Социосемантические соответствия, или Коды сообщества	257
3. Символ и самоорганизация	257
4. Рок устроителей, или Ошибки лидерства	259

Приложение

Краткий толковый словарь сленга СИСТЕМЫ	265
---	-----

Глава 4

Обряды посвящения

На ночном шоссе темно,
Не видать ни лучика.
Чтоб согреться, пью вино
Своего попутчика.
(Из Ротонды)

В этой главе мы рассматриваем процесс вхождения в Систему, освоения ее традиций — как несколько упрощенную модель социализации (приобщения к культуре). Если оценивать процесс с точки зрения семиотики, его можно представить как освоение культурных кодов, т. е. символики сообщества и способов их интерпретации. В Системе эти процессы имеют ритуализованные формы, что делает видимыми манипуляции с символами. Во время ритуальных действий символика получает интерпретации, и можно увидеть, как постепенно неопит осваивает все новые интерпретирующие множества и способы истолкований.

1. Обретение символа

Путь в Систему для многих начинался с обретения ее символики, причем у некоторых символы появлялись раньше, чем они начинали тусоваться, поначалу просто как проявления отчуждения от их прежней среды.

1.1. ГРУППОВОЙ СИМВОЛ

Максим перестал стричься, что стало для него своеобразным протестом против принуждения (в школе очень серьезно относились к длине волос). Через полгода у него был уже вполне заметный *хайр*. В это время он и пришел к «Сайгону», где такая прическа была вполне обычной. «Я пришел в «Сайгон» впервые, — вспоминал он, — у меня уже были волосы примерно по плечи: просто прическа такая...

Меня спросили: «Ты откуда приехал?» И все. Пошли сразу на *сейши* (выступление полуподпольной рок-группы. — Т. Ш.) и стали тусоваться». На этом примере можно наблюдать и процесс перекодирования символа, произошедшего в момент присоединения Максима к тусовке. До этого, дома и в школе, *хайр* был для него знаком протеста, а на тусовке стал знаком общности с прочими здешними завсегдатаями, прочитываясь как групповой символ. Именно таким образом поняли его те, кто встретил Максима и *впсал* его на *сейши* как «своего». Итак, символы отторжения превращаются в групповые символы. Меняется принцип или ключ к их интерпретации: «антинорма» уступает место «группе» (прочтению как символа той или иной группы, сообщества). Аналогичный путь можно проследить и на других примерах.

Вот как описывает первый приход на тусовку человек по прозвищу Владимирский. «Первые *врубь* начались... Я во Владимире жил... И этот философский *прихват* у меня сам собой варился... Хиппак-одиночка. Знал про хиппи, но думал, что нет их. Как-то читаю «Литературу» и читаю статью Рослякова «Труба зовет». Потом отключил... Письмо Сталкера (прозвище одного человека из Москвы. — Т. Ш.). Я понял, что это писал хиппи. И я воткнулся, что их надо искать». Затем он приехал в Москву и, сев на кольцевую линию метро, присоединился к обнаруженной там тусовке хиппи. И в данном случае обретение символа будущей принадлежности к сообществу происходит раньше реального присоединения и явно облегчает его. Свои одинокие философские размышления рассказчик интерпретирует как знак хиппизма. Не будучи знакомым с реальной тусовкой, он осознает себя как «хиппак-одиночка», маркируя себя символом принадлежности, затем приводящим его к тем, с кем он уже чувствовал общность. Как Максиму с его длинными волосами было естественнее у «Сайгона», так и Сергею из Владимира с его «философским прихватом» стало проще на тусовке московских хиппов. Символ сообщества сам ведет человека в сообщество, действительно и ощутимо служа средством консолидации групп.

Итак, на первом этапе вхождения в Систему меняется принцип интерпретации ее символики: вместо «антинорма» становится актуальным значение «группы, сообщества». Соответственно, меняется и социальная функция: вместо отторжения и поддержания барьера — консолидация сообщества.

1.2. ПОЛУЧЕНИЕ ФЕНЬКИ

Несмотря на то что отдельные символы Системы могут быть обреты еще до присоединения к ней, освоение основного фонда символики происходит уже в самой Системе и составляют едва ли не основное содержание первого этапа пребывания на тусовках.

Получение символа становится знаком приобщения к тусовке нового человека, а если он долго не тусовался, то подтверждением его принадлежности. В скверике у кафе «Эльф» в Питере мы наблюдали характерную сцену: человек долго не тусовался и пришел сюда. Кто-то узнал его и сказал: «Ты вернулся». — «Меня замучила цивильная жизнь... Подарите мне кто-нибудь феньку», — откланивается он. Фенька ему нужна как подтверждение принадлежности к Системе.

Неофиты (их называют *пионеры*, *ботаники*) стремятся иметь побольше внешних атрибутов и символов Системы, поскольку это служит пока единственным подтверждением их принадлежности к данной среде. Обилие внешней атрибутики отличает именно *пионеров*, прочим же людям тусовки кажется чрезмерным: «Они одеваются в тряпье, хотят показать свою близость к Системе. Но им это не идет, негармонично выглядят. Они перебарщивают всегда... Они часто приходят туда (на тусовку. — Т. Ш.) с покрашенными волосами и пытаются вписаться. Они знают несколько терминов и употребляют их очень активно, но это воспринимается... смешно. Но они не вписываются: у них нет общих тем для беседы», в то время как бывалые люди Системы «просто абсолютно не следят за своей внешностью, носят только то, что им идет, в чем удобно... Только голники красят волосы, за своей внешностью следят» (Тимофей, Ленинград, 1987). Описания *пионеров* в фольклоре и других текстах Системы обычно подчеркивают угрированность их атрибутики. «Пионеры. Зачморенные дети цветочков, — пишут уже в конце 1990-х некий Додик Вишенка и Джон У. Онан в панк-ковском рукописном журнале в Интернете. Название журнала столь неприлично, что воспроизвести его здесь нельзя. — Узнать пионера, дорогой читатель, нетрудно. Замурзанное дитяtko, с руками, обмотанными сантиметровыми (в толщину) слоями френек, бряцающее колокольчиками и ушанное дешевой бижутерией и ксивничками, которые у нынешнего поколения доросли уже до размеров столитрового альпинистского рюкзака (шутка, всего с противогазную сумку). Летом пионеры, часто босые, мигрируют по электричкам небольшими стаями, пытаясь (о, сладкая мечта!) доехать до Питера». Описание сродни другому, сделанному десятью годами раньше в другом рукописном журнале — «bl», — некими Сторо-

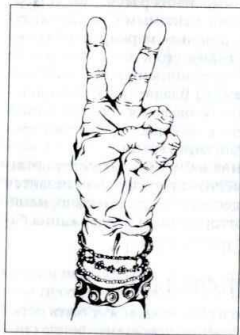

Рис. 11. Фенька. Рисунок автора, 1987 г.

жем и Фредом: «К Аньки и Сене, все ближе и ближе, передвигались высывающиеся из джинсовых прерий заплаток и бруствером бисерных украшений глаза, уши рта. Дети гербариев...» (1989). Обилие атрибутики, особое внимание к символам воспринимается как характерная черта и главный признак «пионерского» состояния.

1.3. НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ

Одним из вариантов обречения символа принадлежности на этапе приобщения к тусовке считается получение *системного имени* — прозвища, *кликухи*, *псевдо* (в «Сороке»), *ника* (в компьютерных чатах). Нередко оно происходит в форме специального, полшутливо-полуиристического, ритуала. Интересно его описание уже упоминавшимся московским музыкантом и на тот момент битломаном Мишей (Майклом Какаду). «Прихожу, — рассказывал он, — на тусовку. Мы сели на кольцевую линию метро (в Москве. — Т. Ш.) и стали кататься по кругу. Метровская тусовка — это битломаны придумали. Какая-то герла меня спросила: «Как тебя зовут?», «Миша, можно Майкл». Но в Системе много Майклов, и есть Майкл Крэйзи: мне бы не хотелось, чтобы меня с ним путали.» — «Давай мы тебе кликуху придумаем». И все стали высказываться. В основном Молекула — там девочка была, очень маленькая: «Одноглазый (после драки у меня был сын?) — Кот?» — Но вынулса Кот и сказал: «Я уже есть!» — «Пират?» — «Я ж Пиратом быть не могу, потому что я пацифист!». Ну, с Пирата перекинулись на Какаду. Я подумал: пусть, как бы хуже чего не придумаю. И сказал: «Майкл Какаду!». Меня «окрестили»: у меня был крест — я нашел отлитый у себя на заводе в отходах. С Иисусом. И вот меня окрестил Молекула и теперь считается моей крестной матерью» (1988).

Отметим характерный момент ритуала: получение имени сопровождается установлением особых отношений между Мишей и Молекулой, пользовавшейся в тусовке довольно высоким авторитетом. Она стала его «крестной матерью». Вообще на тусовках довольно часто встречаются пары, называющие друг друга «сын», «сынок» и «мать», «мама», «мэм». Мать бывает «крестная», «астральная», «духовная» или без уточнений. В любом варианте это означает отношения патроната: «мать» принимает на себя определенные обязательства по отношению к «сыну» — опекает его, знакомит с обычаями и людьми тусовки. Она словно персонифицирует согласие тусовки принять нового человека и осуществляет его интеграцию. Таким образом, получение имени становится знаком и сигналом к началу более тесной интеграции человека в сообщество. С другой стороны, существуют табу, ограничивающие степень близости отношений «матери» и «сына»: например, сексуальные отношения исключены безусловно. Дающий имя — только проводник, облегчающий путь в Систему.

Само наличие системного имени уже говорит о принадлежности к среде «своих» и резко увеличивает доверие к его обладателю. Что касается способа интерпретации имени, то его в первую очередь прочитывают как знак принадлежности к той или иной тусовке, группе или молодежному движению: «Системные имена чаще всего восходят к определенным тусовкам, — объяснял мне человек по прозвищу Диззи (в честь знаменитого трубача Диззи Гиллесси. — *Т. Ш.*) — Волосатые называют себя так, как только волосатого можно назвать. Ромашка, например, есть это чисто хипповский символ (напоминающий о цветочной революции и экологической подоплеке хиппизма. — *Т. Ш.*). Металлисты — в честь каких-то металлических музыкантов: Оззи (в честь Оззи Осборна. — *Т. Ш.*), Дио, Рэнди...». В обладателе имени «Папа Гнус» безошибочно можно узнать панка. Миша, на момент наречения имени битломан и паффист, не согласился быть «Пиратом» именно из-за несоответствия этого имени групповой принадлежности («Пиратом быть не могу»). Если человек принадлежит к нескольким тусовкам, то у него может быть несколько имен — каждая тусовка его знает под своим именем, соответствующим ее стилю.

Выход из тусовки, желание прекратить отношения с какой-то компанией часто выражается в отказе от прежнего имени. Человек приходит в новую тусовку и не хочет называть свое прежнее прозвище: «Вокруг этого создается какой-то ажиотаж, — говорит мне Дикобраз. — Вот в моей тусовке долго вычисляли, как меня зовут. А мне не нравится, как меня зовут. Это отказ от имени как от прошлого». Замечу, что в то время Дикобраз рассорился с прежней компанией и не хотел, чтобы там что-либо о нем было известно. Если учесть, что в Системе большая часть народа знает друг друга заочно, по прозвищам, то можно понять и Дикобраза, и его новых друзей, для которых человек без имени — темная лошадка.

1.4. ОСВОЕНИЕ СЛЕНГА

Наряду с другими символами принадлежности, на «пионерском» этапе осваиваются и средства маркирования речи — сленг.

Характерная форма, облегчающая его освоение, — короткие стихотворения с повышенной плотностью сленга — «словарики», что обозначает не форму их, а функцию.

Пионерская речь им заметно перенасыщена (и не всегда уместно). Многие составляют для себя словарики сленга, в чем стесняются признаться, так как это признак пионерства, связанный с непростительным, низким положением в Системе. Для лучшего запоминания сленговых слов сочиняют стишки (феньки), где на сленге описывается та или иная типично Системная ситуация: принцип аналогичен учебнику иностранного языка, где лексика излагается по темам: «Мой дом»,

«Моя работа», «Семья» и т. д. Вот одно из таких стихотворений, обыгрывающее ситуацию аска:

Я лезу в мой *poket* (pocket)
В надежде на *prais* (price)
Рукой, в водосток
нашарившей айс (ice).
Но что за *misfortune* —
My pocket is empty.
Подайте, кто хочет,
Спасите от смерти!

Покет и *прайс* — сленговые слова, англицизмы, причем несколько изменившие значение (*прайс* на сленге — не только «цена», но и «деньги»).

Еще одна подобная *фенька* описывает ситуацию *винта* (задержания) на *флэте*:

Стремный флэт. Открылась дверь:
На пороге стоит зверь,
Весь *прикинут* в серой шкуре —
Пипл! Это *мент* в *натуре!*
А за ним еще *менты*
Вот и все, *кранты*, *винты*...

Ситуация противостояния милиции была очень популярна в Системе конца 1980-х, как наиболее очевидное выражение отторжения от общества. Милиционеры в данном случае персонализируют давление общепринятых норм. Именно поэтому для пионеров стычки с милицией в некотором смысле даже желательны: если тебя не *винтили*, то вроде ты не совсем еще *пипл*. *Винт* (задержание) служит подтверждением обществом отказа от тебя, а именно отверженность, напомним, считается основным объединяющим признаком *пипла*. Отсюда и возникла своеобразная престижность стычек с милицией.

Характерны и другие формы обучения сленгу. Между *пионерами* на тусовке можно услышать диалоги, где они делают друг с другом познаниями сленга: «*Хайр* отстрил — это *хайрастый*. *Хайр* — по-английски волосы. Вот тебе скажи — ты поймешь?. *Флэт* — это квартира. — Ну, если раз услышишь, то поймешь. — А Инженерный замок слышал? Это штаб-квартира *волосатых*. Они там *оттягиваются* в *пальный рост*. Сидят, тарелочками там кидаются. *Стебование* развлечение». Еще разговор: «А панков я вообще не понимаю, чего они хотят?» Другой объясняет ему строчкой из песни: «Панки любят грязь, а хиппи цветы». Аналогичный смысл имеют диалоги со стен

Ротонды: «Кто такие митьки? — Паразиты! — Если можно, точнее. — Спроси у Шинкарева (один из основателей и бытописателей митьковского движения; «митьки» — группа художников, а затем и их ражателей, получившая название по имени одного из художников, Дмитрия Шагина. — Т. Щ.)». Столкнувшись со множеством символов, новичок вначале воспринимает их как символы тех или иных сообществ, групп, движений и старается уяснить для себя, каких именно. Иными словами, он предпринимает усилия для наполнения этих символических оболочек значениями, пока, главным образом, сводящихся к указанию на групповую принадлежность. В той же Ротонде нарисованы восточные символы — «инь-ян», иероглифы, а рядом диалог, где кто-то пытается соотнести их с конкретным, очень популярным в те годы в околохипповой среде дзен-буддистским движением: «Максим, в чем заключаются мысли дзен-буддизма? — Занятия трансцендентальной медитацией и гуру — спасут тебя. — Я сам себе гуру. — Это не религия, это образ жизни! — Я не Максим, но отвечу тебе: дзен-буддизм (или чань-буддизм по-китайски) — единственная из религий, отвергающая все, в том числе и саму себя, как истинную веру.» (1987–1988).

Итак, вхождение в Систему можно представить как период освоения ее символов (сленга, атрибутов, имени) и самоидентификация с ними. В это время на первый план выходит значение их как символов Системы или какой-либо из конкретных тусовок, т. е. весь массив символики интерпретируется по принципу: «за символом — группа». Итак, обретение символа означает идентификацию с соответствующим сообществом, доминирование функции интеграции неофита в сообщество.

2. Ядерные структуры

Следует задаться вопросом: какой тип межличностных связей (и тем самым — какая структура сообществ) может кодироваться символикой, интерпретируемой по принципу «за символом — группа», пока еще закрыты более глубокие ее семантические слои (нормативная, ценностная, мистическая информация).

2.1. ЯДРО КОНСОЛИДАЦИИ

Рассмотрим последствия подобного прочтения символики: вызываемые им взаимодействия, тип отношений и структуру, складывающиеся на этой основе.

Напомним рассказ Тимофея о путешествии в Ригу, где он нашел тусовку волосатых пицлов, заговорил с ними, и они по опреде-

ленным признакам (сленг, черный плащ, *типовские* прическа и взгляд, ксивник, феньки, символические жесты) признали в нем «своего» и устроили на ночле. Несколькими последующих дней он провел в новой компании, посещая рок-мероприятия, тусуясь и ведя принятый в Системе образ жизни. Рижане истолковали столь старательный демонстративный Тимофеев символик в смысле его принадлежности к Системе, конкретно — Питерской, к группировке с романтически-поэтической ориентацией (принцип интерпретации был: «за символом — группа»). Последствием подобного истолкования стало возникновение некоторых отношений, связей между Тимофеем и местными. Попытаемся определить тип этих связей.

Они не носят личного характера: молодой человек даже не познакомился с местными волосатыми, а просто подтвердил в их глазах принадлежность к круту «своих». Да и вообще на тусовках редко кто знает друг друга по настоящим именам — обычно ограничиваются кличками. На этой основе образуется поле контактов, где возможно взаимодействие, но только в ограниченных рамках: пригласят друг друга на сейшн (рок-концерт, религиозное мероприятие) — могут бесплатно провести через служебный вход; угостят кофе (тогда это было недорого), устроят ночевать — эти формы взаимопомощи предусматривают обычаи тусовки. Поговорят, обменяются новостями, расскажут пару *телег* или анекдотов — и тут же, расставшись, забудут друг о друге. Общение идет не конкретным человеком, а просто со «своими», с волосатым, панком, битломаном, крипинантом — с представителем определенной группировки, а не с личностью. Это и есть тусовка. Такое коммуникативное поле можно назвать полем безличности. Связи здесь существуют в потенции и актуализируются ситуативно, медиатором их служит символ принадлежности к круту «своих».

Подобных связей еще недостаточно для развития полноценной группировки — необходимо ядро консолидации. Если, скажем, речь идет о металлистах, то им станет их центральный символ (тяжелый металлический рок) и все с ним связанное, особенно атрибутика. Отметим еще раз, что именно образующееся аморфное сгущение контактов, т. е. поле безличнос-

Рис. 12. Сальми и символы хитти.
Москва, 1987 г.

ти, порождает потребность в некоем центре, где это сгущение могло бы стягиваться и находить свое самосознание. Поле безличности создает ячейку (центр), которую может занять символ, человек (рок-кумир, лидер группировки, религиозный учитель) или Бог.

Чаще всего ядром консолидации в молодежной среде становится символика какого-либо музыкального направления. Музыкальная мода объединяет очередную молодежную когорту уже до того, как ее представители осознали потребность в общении и стали искать «своих». *Хэви метал* для металлистов не столько источник наслаждения в музыкальном смысле, сколько объединяющий символ. По этому же принципу консолидировались течения поклонников «Битлз» — битломаны, «новой волны» — нью-волнисты, брейк-данса — брейкера, панк-рока — панки. В орбиту Системы входили также алиманы, аквариумисты и множество других, объединенных любовью к музыке и стилю определенной рок-группы.

Объединяющим центральным символом сообщества может стать религиозная идея или божество — и тогда возникает религиозная группа или община. В Системе 1980-х было много группировок буддийской, христианской (различных толков), магической, сатанинской, шиваитской, кришнаитской и других ориентаций. Это не означает, что все они сильны в догматике, скорее, налицо специфические символы, обозначающие конкретную общность. Фанатов «Зенита» (Ленинград — Санкт-Петербург) или «Спартак» (Москва) объединяет символика любимой команды. «Фанатение», собственно, состоит не столько в изучении футбольных техник или даже переживании за успехи своей команды, сколько в том, что ее символика используется для

консолидации фанатского сообщества. Фанаты «Спартак» носят красно-белые, а «Зенита» — бело-голубые шарфы и свитера, шапочки, флажки. Ю. Щекочихин приводит высказывание футбольного фаната конца 1980-х: «Большинство наших, — говорит тот, — абсолютно не интересуется спортом, „фанатение“ — это способ выделиться и установиться. Кто-то выделяется одеждой, кто-то знанием музыкальных групп,

кто-то, как мы, „фанатством“». — Так выходит, вы и на матчи не ходите? — Мы обычно собираемся на спортплощадке возле школы¹. В разговоре с журналисткой Т. Хорошиловой («Собеседник») один металлист говорил, что некоторые фанаты «Спартак» переходят в тусовки металлистов: «Среди металлистов много бывших „спартаковцев“... Но как же все вокруг не поймут, что главное для нас — общаться!»². Чтобы «просто общаться», выполнять функцию консолидации сообщества, неважно, какой конкретно символ опосредует консолидацию: футбол или тяжелый металл, чем и обусловлена относительная легкость переходов. Это просто смена тусовки (символ прочитывается пока только как указание на тусовку), а не убеждений или занятия. Занятие остается тем же — «просто общаться».

2.2. ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ГРУППОВОГО СИМВОЛА

В роли ядра консолидации может выступить не только символ или мифологический персонаж, но и конкретный человек — если он идентифицируется с групповым символом, чаще всего рок-кумир или религиозный учитель. В 1986–1987 гг. был расцвет объединения алиманов, чьим кумиром был К. Кинчев. Они рисовали на одежде символы «Алисы» — пятиконечные звезды особой формы, а внешность копировали со сценического образа К. Кинчева. Такого рода фигура играет роль воплощенного группового символа и культурного образца для большинства членов сообщества.

Подобную роль в Системе долгое время играл Б. Б. Гребенщиков. Я видела молодых тусовщиков, повторяющих его облик и манеру речи, старавшихся даже держаться похоже. На стенах Ротонды (1985–1986) можно было увидеть посвященный ему цикл надписей:

«Гребенщиков — личность!!! — Группа «Аквариум» — только она способна ответить на все вопросы! Да! Да!» — «Лети, мой ангел, лети!» Б. Г. (строка одной из песен Б. Гребенщикова. — Т. III). — Мне нечего сказать, все уже сказал он». Там же было нарисовано множество эмблем «Аквариума», иногда встречавшихся и на одежде у волосатых. Характерно изображение Б. Г. (в Системе его так и зовут — «Б. Г.» или еще «Боб») в виде летящего ангела.

Поклонники его в то время составляли общность, которую можно считать типичным примером ядерной структуры: они чаще не были знакомы между собой, но опознавали друг друга по общей символике. Теперь место ядра (ролевой ячейки лидера) в общности свободно: Б. Г. далеко, ко времени моих наблюдений он уже не тусовался в Системе, а ездил на гастроли. Но в глазах тусовки, особенно новичков, он оставался ее символом и воспринимался скорее мифологическим образом, чем личностью с индивидуальным характером. В Ротонде на одной из колонн у входа было крупно написано

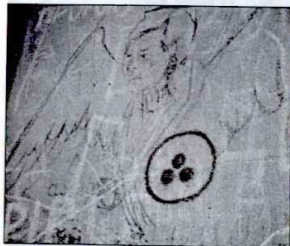

Рис. 13. Изображение Б. Г. в облике ангела. Граффити Ротонды, 1987 г.

«БОБ» (так звали Гребенщикова), причем в «О» был вписан «пашифик». Мы не раз еще встретимся с этим: лидер в ядерной структуре всегда в той или иной мере мифологизирован, представляя собой идеальный для данного сообщества образ.

Персонификацией группового символа в глазах большинства членов группы может стать и один из них, человек, с кем постоянно общаются и кто должен вновь и вновь подтверждать свою идентификацию с групповой символикой. В таком случае обычная ядерная структура — аморфное множество людей, ориентирующихся на общий символ, — имеет шанс стать реальной группой.

В качестве примера можно описать процесс группирования вокруг одной из таких фигур — Десса. Он выглядит как типичный хиппи: длинные светлые волосы по плечам, мягкий и растерянный взгляд, по которому узнают настоящего хиппи, колпак гнома (очень большого), прозвище происходит от англ. death — «смерть» (из-за мрачных стихов, написанных в юности). Полный набор хипповых опознавательных знаков сразу привлекает к нему внимание на тусовке, привлекая в первую очередь притягивает к нему внимание на Дессе, — рассказывал мне один из них. — Хотел с ним познакомиться. На салюте (1 мая, в день Открытия Треугольника, когда у Дворцового моста собралась большая тусовка. — Т. Ш.) встретился, спросил... Он вначале смеялся, потом дал адрес (свой. — Т. Ш.)... Я слышал про Десса, что он нехороший человек... Плохое говорят. Но сейчас увидел — он лучше мне показался, чем о нем говорят». Десс к тому времени уже известен в Системе и считается *олдовым*. Он пришел на Открытие Треугольника и познакомился там сразу с несколькими пионерами, пригласив их приходиться к себе. У него собираются обычно по выходным, слушают музыку, Десс особенно любит «Пинк Флойд». Такое собрание называется «флэтовая тусовка». В ближайшее воскресенье я встретила этих ребят у Десса. Очевиден типичный пример образования ядерной группировки: пионеры ищут знакомства с известными и авторитетными (олдовыми) людьми. Позднее новички перестраиваются между собой, но могут и не встретиться, бывая у Десса в разное время. Знакомство с ним станет для них основой сближения с другими на тусовках: чтобы зарекомендовать себя в Системе как своего, достаточно упомянуть знакомое имя, а Десс известен многим. Связь с групповым лидером становится базой для вхождения в Системную среду. Пока приятели Десса еще не составляют группу в настоящем понимании этого слова, поскольку большинство знакомо только с Дессом, да и то не близко, — как не становятся группой металлисты или битломаны.

Каждый по отдельности слушает любимую музыку. Украшая себя атрибутами любимого музыкального направления, он может узнать таких же и начать общение с ними. Поэтому общность все-таки есть: ее скрепляют не столько личные отношения, сколько цен-

тральный символ, либо, как в примере с Дессом, связи только с центральной фигурой при отсутствии или необязательности контактов между остальными. Однако окружение Десса может впоследствии стать группой: «пионеры» перестраиваются между собой и смогут отойти от Десса — обычно так и происходит. Ядерная структура, таким образом, становится средством постепенной интеграции в общность.

В некоторых случаях подобные структуры строятся по матрице семейного коллектива, с четко выраженным главенством «родителей». В результате ритуала «усновления» возникает вертикальная связь «мать — сын», где «мать» должна обучать своего подопечного жизни в Системе, предостерегая от ее опасностей и ловушек. Суть их отношений — обучение и опека, причем сексуальные связи в таких парах табуированы. У одной «матери» может быть несколько «детей». Таким образом образуется уже описывавшаяся нами звездобразная структура, в центре которой находится «мать», а на периферии — неопиты, прошедшие обряд усновления (как вариант инициации в Систему). В конце 1980-х на тусовках появлялась девица по прозвищу Хиппи Мэм. У нее было много таких «усновленных». Прошедшие стадию пионерства говорили о ней иронически: «Она первая, кто встречает пионеров, на них похожа внешне. Помоему, все пионеры так и поступают: с такими и тусуются, а потом с пинтом дела говорят: „Я тусуюсь в Сайгоне“». Сама же она рассматривала свою роль в среде неопитов именно как положение лидера. Многие в Системе слышали от нее: «Она говорит: „Я стану лидером. Я поведу за собой тусовку“». И очень многие на это клянутся. И она говорит: "Вот, я уже лидер, я наша пионерскую тусовку, я в ней лидер". Обучение в структуре совпадает с управлением, поскольку то и другое строится как распространение и право толкования групповых символов.

Бывает, что такая квазисемейная структура захватывает целую тусовку. «Было так, — рассказывал Майкл Какаду. — Когда я пришел от хиппов к битломанам, то меня признали лидером. И я был „отцом“ этих битломанов, всей битломанской тусовки. У меня была „жена“ (неверная), у ней „любовник“, у меня „любовница“, были „дети“, „внуки“. Снова реализуется матрица «семьи», когда термины родства используются символически, указывая относительный статус в тусовке: «жена», «любовница», «любовник жены» — позиции если не равенства, то близости к «отцу»; «дети» и «внуки» — более низшие ступеньки. Обычно «сыном» становится тот, кого ты привел на тусовку. Майкл Какаду рассказал случай из жизни московской Системы. В Ленинграде, в Сайгоне, вычерчивались подобные же генеалогии, даже более разветвленные. Обряды усновления и «семейная» терминология ритуально закрепляют ядерные структуры, распространенные преимущественно в *пионерской* среде.

Напомним, что образование подобных структур связано с интерпретацией любых знаковых объектов Системы как символов группы или сообщества — более глубокие толкования не обязательны. Именно такая интерпретация доступна неофитам Системы, создавая возможность образования ядерных структур с дальнейшим обучением новичков и освоением ими других интерпретирующих множеств.

Ядерная структура предполагает соответствующее распределение потоков информации: они располагаются звездообразно. В центре — лидер как воплощение, хранитель, средоточие символов. От него символы истекают в сообщество, создавая каналы для возможной передачи информации, в том числе команд и программ, определяющих поведение воспринимающих ее.

Действительно, лидером в таком сообществе становится человек, отождествляемый в глазах его участников с центральным символом. Песни Бориса Гребенщикова — квинтэссенция Системной мифологии: в них можно найти практически все символы, имевшие хождение в Системе, так что она сама кажется выросшей из его творчества. На одном из Системных флэтов родилась *Saito-veda*, мифологическая (и, как все в Системе, ироническая) история Сайгона (обозначающего в ней Систему в целом). «Вначале, — говорится в этой Сайго-веде, — не было ничего. Потом из ничего возникла пустота. Пустота ступилась и появился Боб. Потом он осознал себя как иллюзию и исчез. Из его глаз появились Солнце и Луна, из ресниц — конопля», а из других частей тела — различные атрибуты хип-культуры. Система — это иллюзорное тело Боба.

Важнейшая часть авторитета на тусовке — самоидентификация с групповым символом. Фарид, представленный журналисту как самый авторитетный у фанатов «Спартака», не соглашается признать себя лидером: «Лидер — но чего? Нас не зря называли неформальным объединением. Говорю «нас», но это не значит, что мы все были знакомы (поле безличности. — Т. Ш.) — узнавали друг друга по шапочкам да шарфам. Никто меня, понятно, не избирал и не наделял полномочиями. Молва сама собой пошла: Фарид — вратарь-перворазрядник, с футболистами «Спартака» лично знаком (отождествление с центральным символом — любимой командой, футболом. — Т. Ш.)»³.

Структуры, подобные вышеописанным, складываются в основном на периферии Системы, объединяя неофитов и опосредуя их более полную интеграцию в мир тусовки. Основой лидерства в них служит идентификация с групповым символом, поэтому лидер нередко отличается повышенным вниманием к внешней атрибутике и сленгу. Он давно может быть одцовым тусовщиком, но повышенная внешняя знакомость роднит его с «пионерами»: «Вот Мэм, — говорили мне пилл, — у нее осталась сильный отпечаток пионерии. Она в соответст-

вующих одеждах, сленг активно использует. Она первая, кто встречает пионеров, на них похожа внешне». Хиппи Мэм, действительно, выглядела как идеальная хиппи: вечно мешковатые свитера, меховая безрукавка, сумка-торба через плечо, спутанные волосы — иллюстрация в справочник по хиппейской атрибутике. Новичков Системы это привлекало сразу же, а у пилла со стажем вызвало отторжение. Мне рассказывали, как она ехала в поезде с другими тусовщиками и долго не могла найти себе места: «Мы ехали в поезде, ее во всех купе посылали: — Знаешь, Мэм, иди в следующее». Причиной стали именно ее «отпечаток пионерии», угрюмость и некоторая искусственность внешней атрибутики. Привлекая «пионеров», она создает определенный барьер между групповыми лидерами и основной частью Системы (ее «средним слоем»).

Стеб-культура Системы не дает авторитету даже харизматических фигур достаточно прочно утвердиться, чтобы перерасти в их культ. В конце 1980-х тремя самыми известными рок-музыкантами в Питере были В. Цой, К. Кинчев и Б. Гребенщикова, тогда и образовались тусовки их фанатов и последователей — *киноманы*, *алисаманы* и *аквариумисты*. Первые две существуют и сейчас. Впрочем, культ их характерен в большей степени для внесистемных тусовок. Система же, как обычно, проявляет свои качества стеб-культуры. В 1988 г. я записывала анекдоты про Цоя, Кинчева и Гребенщикова:

«Однажды Цой переехал в Кинчева, пошел к Бобу. Тот напоил его чаем. — Только, — говорит, — сахара нет. Намедни заходил Цой, весь сахар съел. — Цой ему ничего не сказал».

«Цой переехал в Кинчева, пошел к нему в парадняк — хотел напугать Костю. А Кинчев переехал в Цоя, встал за углом — хотел его напугать. Заходит Боб. Тут они оба как выскочат!»

Тексты этого цикла иногда приписывались митякам, находившимся в контакте с Системой, но все-таки дистанцировавшимся от нее, в других случаях пересказывались безо всяких ссылок. Отметим общий мотив переодевания главных героев, причем они вполне заменяют друг друга, став неузнаваемыми. Все три культовые фигуры присутствуют в качестве воплощений одного и того же — базовой личности Системы, и характеристика у них одинакова: любовь к халяве, шуткам и розыгрышам и прочие, типичные для Системы. Вместе они выступают в роли утроенного культурного образа идеального пилла.

2.3. ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ПОТОКИ ИНФОРМАЦИИ

Мы уже говорили о звездообразной конфигурации потоков информации. С одной стороны, новости тусовки стекаются к ее центральной фигуре (я пока не говорю о лидере и лидерстве, но оно может возникнуть в результате формирования центральной ячейки в ком-

муникативной структуре «звезды»). Я сидела в гостях у Сольми, довольно авторитетного в то время персонажа Московской Системы: он демонстративно сжег свой паспорт, жил по каким-то заброшенным домам, пел, играл на синтезаторе и рисовал, носил очки со значком «пацифик» и зримо воплощал собой представление о типичном хипповом человеке. Пока мы разговаривали, к нему зашли несколько человек, и каждый что-то рассказывал из услышанных на тусовке «новостей Системной культуры». Между делом Сольми узнал про чей-то роман; про то, что такой-то пиил выходит на трассу, а попутчиком у него тот-то; про распад одной рок-группы и отъезд другой на гастроли. Ему не обязательно ходить на тусовки, информация и так найдет его. Для приходящих престижно рассказать что-либо, способное заинтересовать такого авторитетного человека. Новости служат средством заслужить его одобрение и подняться тем самым в собственных глазах — ведь оценка Сольми как бы равняется одобрению всей группы. Лидер персонифицирует позицию Системы; его одобрение подтверждает твое соответствие Системным стереотипам. Требуется также получить у Сольми его (подразумеваемая, Системную) оценку новостей и событий, чтобы затем, пересказывая их, подкреплять свою позицию авторитетным мнением.

Таким образом, информация стекается извне к центру и, только будучи соотнесенной с центральным групповым символом (или оцененной воплощающим его лидером), может быть воспринята внутри сообщества. Иными словами, при ее трансляции от лидера (из центра) по центростремительным каналам. Статус информации, идущей к центру и наоборот, неравноценен. К центру может идти чужая, случайная, неправильная информация, в то время как обратно — уже прошедшая «экспертизу» и получившая статус «своей» (санкционированной сообществом).

Именно поэтому доминируют в подобных сообществах (ядерных структурах) центростремительные потоки. Из центра к периферии передаются, во-первых, культурные образцы. Одним из них служит образ самого лидера, обычно маркированного символической общности. У Сольми, например, «пацифик» на стекле очков, я уже не говорю про длинные волосы и облик, занятия и жизненную историю хиппи: его образ становится объектом подражания. Другие люди той же тусовки, особенно «пионеры», копируют его, иногда детально, как аквариумисты мастерили себе точно такой же хайратник, как у Гребенщикова, и подражали тембру его голоса. Это не проявления культа личности, а обычная самоидентификация с групповым символом, воплощенным этой личностью в их глазах.

Другие способы распространения символов от центра (ядра) тусовки к периферии связаны с ритуалами Системы. Сольми, как и любой, занимающий подобную позицию в ядре некоторой общности, часто дает имена-прозвища неофитам или санкционирует су-

ществующие, высказывая одобрение или неодобрение. При встрече он обычно дарит свои *феньки* — карточки и мелкие предметы, придавая им символический смысл. Получить феньку от авторитетного, известного в Системе человека, находящегося в одной из узловых точек ее сетей, считается престижным, ее будут постоянно показывать на тусовках, дорожить ею. Таким образом, центральная фигура становится источником распространения групповой символики.

Нетрудно предугадать функции, наиболее естественные для ядерных структур: они должны быть связаны с распространением информации и контролем за ее распределением.

2.4. ОБУЧЕНИЕ

Прежде всего, к подобным функциям относится обучение неофитов. Действительно, любой сколько-либо *алдовый* человек в Системе играет обычно роль Учителя: «Подросток приходит в Систему и *врубается* (пытается понять ее правила. — Т. Ш.), — говорят в Системе. А есть такие люди, которые *подрубают* (*подрубить* — это одновременно и «обучать, объяснять», и «подчинять своему влиянию». — Т. Ш.). Никакого направленного обучения, конечно, нет, а есть ориентация на культовые фигуры, словно воплощающие в себе ценности Системы или отдельной тусовки. Таким образом, первый путь трансляции традиций — через культурные образцы. Они персонифицированы в фигуре *олд а'*, либо рок-кумира, либо представлены в *телегах* Системы.

Второй путь — через получение личного символа, постепенно наполняющегося смыслами Системы: именно так происходит после получения Системного имени. Волосатый тусовщик, которого я знала под именем Дикобраза, рассказывал: «Меня называли Дикобраз — я его (имя) принял. — Почему принял? — Я тогда был такой: иронизировал, шутил, по всякому поводу и без повода... Волосы длинные... Похож на Дикобраза. Как-то про меня сказали — случайно, в школе, «Дикобраз». Мы собрались с нашей школьной компанией, и кто-то сказал. И я принял это имя». На начало имя было связано с чисто внешними чертами — просто пустая оболочка. Информацией она стала наполняться позже, когда Дикобраз появился на тусовках Системы, в которой уже тогда формировался своеобразный культ Стругацких (точнее, Система использовала для самоопределения матрицу мира, описанного в повести Стругацких «Пианино на обочине»): «Потом появился „Сталкер“. Я чувствовал, что я... ну, как этот в „Сталкере“ Дикобраз. Потом уже в Системе узнали про мои сталкерские штучки, ко мне пошла информация. Есть некая информационная сеть. И если кто-то присвоит себе определенный символ, то тут же сигнал об этом идет в эту сеть, и уже оттуда вся информа-

ция, касающаяся этого символа, будет стекаться к этому человеку. Уже сеть реагирует на это ключевое слово — и к тебе стекается вся информация. И влияет на тебя — не насильственно, а подспудно». Говоря о «сталкерских шпучках», Дикобраз имеет в виду свое участие в поисках «аномальных зон» (по типу Зоны в «Сталкере»), что было распространенной практикой в Системе.

Итак, имя, под которым человек появляется на тусовке, рассматривается в Системе как средство привлечения информации. Если ты Дикобраз, то при встречах тебе будут, прежде всего, рассказывать телеги про Зоны, новости из тусовок, занимающихся этими Зонами. Так Дикобраз сошелся с московскими поисковиками, искавшими подземные тайники времен Ивана Грозного (предтеча современных диггеров и кладоискателей). Имя «Дикобраз», ассоциируясь со Стругацкими, провоцирует разговоры о фантастике, литературного объединения соответствующей направленности (в них входили некоторые люди Системы), с примыкающими к ним кружками, занимавшимися переводами зарубежных авторов. Так Дикобраз попал в одну из компаний, переводивших Толкиена, ставшую впоследствии предтечей движения толкинистов.

Итак, имя, полученное в Системе, становится каналом коммуникации, по нему Система посылает ее обладателю определенную информацию, прежде всего о группах, компаниях, тусовках, с которыми так или иначе имя ассоциируется. Мы видели, как имя облегчает его обладателю присоединение к сообществу. Таким образом, принцип интерпретации имени на данном этапе — прочтение его как символа группы, а основная функция — интеграция в сообщество.

Однако после присоединения к группе имя начинает ассоциироваться с характерными для нее практиками, образцами поведения и соответствующими личностными качествами. Имя Дикобраза в кругах «аномальщиков» (интересующихся эзотерикой, полтергейстами, всяческих экстрасенсов и магов) связано с фигурой Дикобраза из фильма «Сталкер» — брата главного героя, побывавшего «за гранью» — в комнате, где, по-видимому, сохраняется канал связи с миром неведомых пришельцев. Герой кинофильма получил особые способности (аналогично объясняют свою экстрасенсорную многие аномальщики). Весь сюжет переносится на нашего хиппа Дикобраза, известного на тусовке как сильного энергета (человека, владеющего таинственными энергиями, вариант экстрасенса). Сам Дикобраз постепенно начинает соответствовать этим ожиданиям: интересуется всякими «энергиями» и «зонами», совершает магические ритуалы и т. п., в результате имя не только влияет на групповую принадлежность, но и начинает формировать поведение, что связано с появлением уже новых его интерпретаций — по принципу: «за символом (именем) — норма или модель поведения».

Таким образом, обретение личного символа (имени) инициирует процесс приобщения его обладателя к информации (традиции) Системы. Вначале это информация о ее групповой структуре, позволяющая выбрать наиболее подходящую компанию, соответствующую по стилю имени. Затем открывается следующий пласт информации — о нормах и стереотипах поведения данной компании, а если она принадлежит к Системе — то и о нормах Системы. Мы сплошь и рядом наблюдали, как, потусовавшись в одной компании, человек осваивался и чувствовал себя непринужденно в различных тусовках Системы, т. е. осваивал не только групповую, но и общесистемный нормативный комплекс.

Как уже говорилось, кроме имени, человек получает от Системы и другие символы, наиболее характерный из них — *фенька*. Как и имя, она притягивает информацию, становясь постоянным объектом интерпретации. «Мне подарили феньку, — рассказывала при мне девушка какой-то своей подруге. — Восемь и девять бисерин, — объясняла она, — это числа «Патриархальной Выставки» (рок-группа в Ленинграде. — Т. III). Восемь — это состояние, в котором человек творит, а девять — это он выходит из этого состояния. Это из Рериха. Зеленый — надежда, белый — чистота души. Фанаты «Патриархальной Выставки» несут эти цвета, эти феньки». Фенька интерпретируется по принципу «группы» (как символ рок-группы и ее фанатов) и «нормы» (как символ нормативного для Системы состояния творчества). Актуализируются в данном случае два пласта значений, два интерпретирующих множества.

Итак, обретение символа опосредует процесс интеграции человека в Систему и освоение ее информации: вначале социоструктурной (о групповой структуре, конкретных тусовках), затем нормативной (о моделях и нормах). Поэтому мы рассматриваем его как один из механизмов внутрисистемного социализации и, возможно, модель социализации вообще, только в нашей культуре наделяют не фенькой, а дипломом, как средством интеграции в профессиональную среду.

2.5. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Вернемся к функционированию звездобразных («ядерных») систем. Доминирование в них центробежных потоков информации может быть реализовано не только в обучении неофитов, но и в распространении своих символов в окружающей социальной среде (символической экспансии).

Средством распространения символики в ближайшем окружении Системы становится дарение. Чаще всего раздаривают феньки, предназначенные специально для этого. Их, например, берут с собой на трассу, чтобы дарить шоферам. «Я выхожу на трассу, шофер возьмет в кабину — шофера берут, им скучно ехать... Ну, хиппи прощаются,

ему хочется что-то подарить, а нечего. Я дарю фенечку и говорю: „Вот тебе, пусть не проткнется у тебя колесо, пусть ГАИ не остановит“, — он улыбается, берет“. Доброе пожелание побуждает принять дар, преодолевать первоначальный барьер по отношению к чужаку и незнакому символически. Подобным образом пытаются осчастливить (маркировать) буфетчиц в кафетериях, где часто пьют кофе, проводниц в вагонах, даже контролеров и милиционеров. Символическая экспансия — одно из средств освоения Системой своего социального окружения. Символика, распространяясь в среде, опосредует коммуникации, служит тем самым стабилизации коммуникативных связей со средой. Те же шоферы подсаживают на трассе волосатых порой более охотно, чем цивилизованных. Они знают, что волосатые миролюбивы, не ограбят и не опасны, что их появление на трассе обычно и объяснимо (отсутствия денег), а выход на дорогу *цивильной* и тем более *крутого* подозрителен. Шоферы, особенно «дальнобойщики», постоянно общаются с Системой и знакомы как с ее символикой, так и с нормами. Иными словами, в данном случае Системе удалось распространить свою коммуникативную сеть и даже наполнить ее нужным образом. Отчасти то же происходит с буфетчицами в кафе, где пиллы постоянно собираются на свои тусовки: им не бояться наливать кофе в долг — знают, что деньги отдадут.

Установка на символическую экспансию как средство установления связей со средой откладывается в текстах Системы: *телегах*, анекдотах и индивидуальном творчестве отдельных ее представителей. Ходят, например, *телеги* о том, как заинтересованные ярким хипейским *прикидом*, к людям подходили «солидные» люди, приглашали к себе. «Бывает, — рассказывали мне, — что солидные люди проявляют интерес. Бывает, что выписет, бывает, что и сам поедет потом тусоваться...» Существует романтическая история о том, как чужие приличные подобрали «буквально на Красной площади» девушку в состоянии наркотического опьянения: она пришла в себя через несколько дней, в роскошной постели, и ей туда принесли кофе!

Еще один текст на тему символической экспансии — «миниа-тюра для агитбригады» из рукописной книжки бритой наголо девушки, называвшей себя Урфин Джюс. Обратив внимание на то, как главный герой использует один из своих многочисленных атрибутов — булавку, находящуюся вначале в ухе.

Поэт и Гражданин. Миниатора для агитбригады. Действующие лица: Поэт, молодой человек с огненным взором. Кожаный плащ, сапоги. В ухе — огромная булавка (явный намек на сценический образ К. Кинчева. — Т. III). Гражданин, приличного вида мужчина лет сорока пяти. Мешковатый костюм, галстук. В руке — авоська с хлебом, молочными пакетами. Лысоват. (—) Скамейка.

Бульвар. На заднем плане на протяжении всего действия Дворник метет опавшие листья и некие листовки. Что-то бормоча под нос, появляется Гражданин.

Гражданин (подбирает листовку, читает): «К гражданам России... Хм... «Воззвание»... Интересно... (наклоняется за кленовым листом). Появляется Поэт.

Поэт: Ага (мерным шагом подходит к наклонившемуся Гражданину, на ходу вынимая из уха булавку, со словами «Пройдемте, Гражданин» с размаху вскакивает ее в ягодицу Гражданину).

Гражданин: А! (быстро поднимается, бросает взгляд на Поэта, но сразу отворачивается). Ужас какой, а?!

Поэт: Гражданин, пройдемте!

Гражданин (присаживаясь на скамейку, независимо): А вы кто, собственно, будете?

Поэт: Я поэт. Я пришел помочь тебе встать... (орет: «Встать!!!») (Строчка из песни К. Кинчева «Мое поколение». — Т. III).

Гражданин вскакивает.

Гражданин (косясь на булавку): Что это у вас?

Поэт: Где? ... Ах, это... Глагол.

Гражданин: Понятно... В чем дело, собственно?

Поэт (со скрытой угрозой): Там (тычет пальцем вверх) разберутся (вставляет булавку в ухо). Гражданин заморожено следит за действиями Поэта). Кстати, когда вы в последний раз любили людей? Не помните? А что есть истина? И этого не помните? Где вы находились, когда римляне распяли Христа? Что, так и будем в молчанку играть?..

Радикальная попытка организации среды, не способной не реагировать на символы, используемые Поэтом.

По существу, символическая экспансия — не что иное, как попытка преодолеть отторжение среды, установить с нею коммуникацию, что иногда, как мы видели, удается, но чаще все-таки встречается непонимание и только упрочиает барьер. Не всякий Гражданин готов понять некоторых радикальных Поэтов с их особо жгучими и острыми глаголами.

3. Кристаллизация норм

Одним из результатов символической экспансии становится кристаллизация норм сообщества. Мы уже упоминали об интерпретации символики Системы в терминах «норм», но не задавались пока вопросом о возникновении самого этого принципа интерпретации и о формировании нормативного комплекса, становящегося одним из интерпретирующих множеств, соотносимых с символикой.

Появление *пицц* в приюде, с атрибутикой, рассчитанной на привлечение внимания, в общественном месте (тусовки обычно располагаются в людных, проходных, посещаемых публичных местах) может рассматриваться как вариант символической экспансии. Пипл рассчитывает на некоторую реакцию со стороны окружающих — и действительно ее вызывает.

Десс, например, рассказывал, как люди реагируют на его длинные волосы: «Подошла ко мне набожная тетушка лет пятидесяти — Ты вечером такой на улице не появляйся, а то люди вроде меня увидят — подумают, что Христос. В том смысле, что испугаются. Я нашелся, как ни странно, что ответить: «А ты покаяйся, тогда не страшно будет Христа встретить». Внешняя атрибутика провоцирует реакцию отторжения, что дает возможность попытаться его преодолеть. Отрицательную реакцию «тетушки» Десс использовал, чтобы вступить в диалог, смысл которого свелся к перекодированию символа. Длинные волосы он трактует как знак идентификации с Христом (вспомним популярную формулу «Христос был первым хиппи»). Тем самым осуждающая первоначально реплика набожной женщины интерпретируется им в ином ключе, он словно перемещает себя на ее сторону. Трудно сказать, насколько его собеседница восприняла эту интерпретацию, нас интересует коммуникативная схема: распространение собственного символа в среду — попытка его перекодирования и тем самым превращения из символа отторжения в средство коммуникации. Человек, принадлежащий к сообществу хотя бы таких же отверженных, как он сам, начинает по-иному реагировать на проявления отторжения, чем одинокий. Старый пипл, окруженный стайкой молодежи, делится опытом относительно того, как необходимо отвечать в подобных случаях: «Когда мне говорят: „Ты посмотри на себя, ты грязный, ты же гризь, ты же гнус...“ А что я могу ему сказать? Я им могу сказать только то, что сказал мой Бог, когда его схватили фарисеи, книжники, и они говорили: „Разве может быть Сын Божий такой — весь в гризи!“. А он ответил: „Книжники! Вы бы лучше последили за чистотой своей души, а не за чистотой тела“. Это еще один пример перекодирования.

Десс иногда ходил по улице в полосатке, как у гнома, колпаке, по тем временам очень необычном. Сегодня никого не удивляют даже настоящие шутовские колпаки, а тогда он выглядел чудачком. «Я ношу этот колпак чисто из хипповских заморочек, — объяснял он. — Когда я иду в своем колпаке, то вызываю у цивилизованных людей самую различную реакцию. Рассчитано, что человек просто увидит меня и улыбнется. И я ему в ответ. И получается, что это мы друг друга вытаскиваем». Насмешки прохожих Десс интерпретирует как взаимную поддержку, почти проявление взаимопомощи. Конечно, это игра (даже не добросовестная иллюзия), но она обернется реальным построением спроектированных подобным образом отноше-

ний, если ее разделят другие. Это может случиться только в среде «своих», людей тусовки, обладающих аналогичным опытом.

Такие эпизоды составляют постоянный фон существования в Системе, откладываются в *телегах*, анекдотах, шутках, о них рассказывают на тусовках, передавая, среди прочего, опыт удачных и неудачных попыток перекодирования стереотипных реакций на групповые символы.

Со временем, используя свой и чужой опыт, пипл вырабатывает оптимальный вариант использования символики, приводящий к максимально выгодной и предсказуемой реакции: «На тусовке люди сидят и смотрят, кто как среагирует, — объяснял мне Максим. — Изучают. Сегодня на тебя плюнули, завтра засмеялись, потом обругали, пожалели... Ты смотришь, какой образ выбрать: если плюнули, ты больше так не придешь. По-другому. И ждешь, кто как будет реагировать. Потом — как с этими людьми себя вести — учишься». Такие эксперименты проходят преимущественно на тусовке, и ответную реакцию чаще всего вызывает там же, т. е. со стороны не чужаков, а своих. Удачные способы поведения воспроизводятся снова и снова, становясь нормативными моделями.

Таким образом, нормативный комплекс Системы складывается первоначально из удавшихся образцов преодоления отторжения. Символ (специфически «Системные» действие, вещь, деталь внешнего облика и т. п.), с помощью которого удалось вызвать удачную реакцию окружающих, ассоциируется с этой реакцией, становясь в глазах своего обладателя ее символом. Удачные случаи воздействия на среду получают обычно отражение в Системном дискурсе, поскольку рассказы о них вызывают удовольствие слушателей и несколько повышают статус рассказчика в их глазах. Такого рода рассказы фиксируют связь между символом и реакцией, и при достаточном числе повторений эта связь откладывается уже в коллективной памяти сообщества. Таким образом, символ (атрибут или действие) прочитывается как обозначение определенной модели поведения, ее код и способ актуализации.

В экспериментах, подобных описанным выше, актуализируется новый принцип интерпретации: за символом — модель поведения, действие, норма. Первоначально фиксируются действия, способствующие преодолению отторжения со стороны внешнего мира, как общей проблемы для большинства людей тусовки. Поскольку они заслуживают одобрения тусовки, то приобретают статус ее норм и направлены воспроизводятся, откладываются в текстах, транслируются традицией.

Прослеживая весь процесс, мы можем понять, что модели поведения, формирующиеся как попытки преодоления отторжения среды, направленные вовне «своего» сообщества, усваиваются как стереотипы именно внутри его. Иными словами, они обращаются

внутри и оказывают влияние не столько на взаимодействия с внешним миром, сколько в среде «своих». Но память о том, что эти нормы были предназначены для изменения отношений со внешним миром, остается в утопиях: «Мы, волосатые, уже построили прожег собой издавна для всех бывшие признаком отношения. Ведь хочется общаться так со всеми пятью миллиардами? Да кто ж вам мешает?» — прочитала я в рукописной книжке, полученной от девушки по имени Урфин Джюс.

Итак, общую схему кристаллизации норм сообщества можно обрисовать (по нашим наблюдениям) следующим образом: отторжение → символы отторжения → попытки преодолеть отторжения символизация этих попыток (перекодирование символов отторжения) → их стабилизация и принятие в качестве групповых норм.

Можно сформулировать несколько иначе: модель поведения становится групповой нормой после и в результате фиксации в групповой символике (после того, как групповые символы начинают интерпретироваться как обозначения этих моделей поведения). Вначале претерпевает изменения символика (приобретает новый принцип интерпретации), а затем собственные нормы обретает сообщество. Напомним, что эта схема — модель, воссозданная нами на основании самоописаний людей Системы.

4. Ритуалы трассы

Теплой трассы тебе, пипл!
(приветствие в Системе)

Век трассы не выдать!
(Системная клятва)

Продолжая тему вхождения в Систему неофитов, этнографически образцованный человек задается вопросом о каком-либо аналоге инициации. Сам пипл, не чуждый этнографических интересов, также использует эту аналогию по отношению к некоторым своим практикам или специально конструирует посвятельные обряды. Один из них — наречение именем — мы уже упоминали. Но это только элемент посвящения. Неофит также проходит испытания, в ходе которых он должен получить опыт жизни по законам сообщества и доказать свое соответствие им. Роль подобного испытания, по-видимому, играет трасса.

Напомним, что дорога — один из главных символов Системы, а путешествие (трасса) — смыслообразующая деятельность. Индустристы ездят на *пау-вау*, ролевики — на *Хишки* (Хоббитские Игры),

хишки — куда угодно и просто без цели. Если для старых тусовщиков трасса, автостоп — это способ добраться на какое-либо мероприятие, то для неофитов имеет смысл сама поездка. «Пионер, — замечал Майкл Какаду, — едет с удовольствием, он испытывает от самой трассы кайф. А для олдвого это способ передвижения». Прохождение трассы играет для новичков роль посвящения. Майкл Какаду вспоминает, как изменился его статус после первого путешествия стопом: «Я вначале был среди битломанов... Потом пришел к хипам. Я смотрю — у них интересно, ну и остался. Отношения у них такие... то, что я искал... Потом уже снова пришел к битломанам, от хипов. Ну уже более информированный: в Системе информация хорошо поставлена. Уже почти все новое у битломанов, смотрят — я с самыми старшими у них знаком. Ну и вообще круче: уже трассу прошел... Ну и я у них пользовался уважением». Именно после трассы он стал «отцом» битломанской тусовки. Заметим, что трасса фигурирует в его рассказе как очевидный и самый яркий знак статуса, более высокого, чем у *пионеров* тусовки. Успешно прошедший трассу человек перестает быть пионером и становится равным среди прочего пипла. Вспоминаю, как изменилось ко мне отношение после того, как в паре с Дикобразом я съездила автостопом в Москву. Вообще трасса Москва — Петербург не считается «настоящей»; говорят «Курица не птица, М10 не трасса». Она рассматривается как «пробная», за ней фактически утвердилась функция первой трассы, специально предназначенной для «посвящения». На этой дороге все символично: названия попутных населенных пунктов на указателях, дорожные знаки интерпретируются на языке Системы, и едва ли не с каждым поворотом связаны памятные случаи, отразившиеся в *телегах*, рассказываемых в пути.

У футбольных фанатов аналогичный посвятельный смысл имеют *выезда* — поездки на игры любимой команды в другие города. «Я себя фанатом стопроцентным не считаю, — говорил один из давних болельщиков «Зенита» (СПб.), — поскольку на *выезд* ни разу не съездил». Чем дальше и труднее *выезд*, тем выше статус его участников: «Два самых фаната в прошлом году доехали до Владикавказ»⁴, гласит легенда питерских фанов. Другая легенда повествует о человеке, добравшемся практически без денег до самого Владивостока и лишь там узнавшем, что матч перенесен.

Еще фанаты ездят большими группами и чаще всего на *собаках* (электричках), то классическая Система — обычно парами и предпочитает автостоп, как, впрочем, и любой попутный, но бесплатный транспорт. То и другое принципиально для переживания опыта безграничной свободы. Если едет неопытный человек, его ставят в пару с олдвым, причем традиция поддерживает разнотусовый состав пар. Говорят, что новичкам всегда везет: когда они голосуют, машины останавливаются быстрее, да и попадаются чаще.

Путешествуя с опытным человеком, новичок имеет возможность постигать не только премудрости автостапа (где лучше ловить машину, как голосовать, отличить дальнюю машину от местной — *локалки*), но и коммуникативные нормы общения с водителями, случайными встречными, хипами из других городов или попутчиком в дороге. Олдовый обычно комментирует попутные виды и происхождение на трассе события, раскрывая их скрытый смысл (обычно все сводится к *телегам* или афоризмам из фольклора Системы), приобщая тем самым молодого попутчика к существующим традициям.

Олдовый попутчик имеет возможность оценить поведение молодого. Поведение на трассе играет огромную роль в сложении репутации человека в Системе. Если человек оказался *кайфовым попутчиком* — не ныль, не докучал, проявил легкость в общении и другие умения, это облегчит его последующую интеграцию в жизнь тусовки. С ним охотно поедут другие, его будут звать на различные мероприятия. Если же за ним установилась репутация *некайфового, кайфопомичика*, — с ним постараются не ездить и не общаться: «Мне сказали, — вспоминает уже упоминавшийся Майкл об одной из своих поездок: — Поедешь с этой *герлой*? — Поеду. И она постоянно ныла. Я с ней после этого не ездил...» (1988). Трасные репутации, причем в несколько преувеличенном виде, находят свое отражение в *телегах*, поскольку о путешествиях обычно подробно и неоднократно рассказывают на тусовках. Это одна из главных тем, неизменно вызывающая общий интерес. Таким образом, трасса играет роль испытания, теста на знание коммуникативных норм Системы и умение им следовать. Они в значительной мере выявляют степень интеграции человека в Систему и его статус в ней аналогично инициации, определяющей статус неофита в обществе.

Еще один фактор интеграции — трасные знакомства. Совместные путешествия способствуют множеству знакомств, иной раз перерастающих в длительную дружбу (подчас заочную). *Трасные* связи, даже совсем мимолетные, вспоминаются позднее с особой теплотой, увеличивающейся со временем: «Потом если увидишь своего попутчика, — говорит Майкл Какаду, — уже с ним встречаешься, как с дорогим человеком, радуешься. Обычно куда-то вместе идут. Иногда снова возникает желание поехать куда-либо...» (М, 1988). Рассчитывая заранее на будущие многочисленные знакомства, берут с собою множество фенек — иногда их специально плетут перед выходом на трассу. Феньки обычно дарят при расставании — в знак дружбы и на память: «феньки дарят — уже между вами связь».

Поведение на трассе вообще ритуализовано в большой степени. Существуют поверья, особая мистика трассы и ее законы, также имеющие сакральный смысл. Считается, что от их соблюдения зависит благополучие пары или всей компании путешественников: повезет ли им, насколько *кайфовая* ляжет трасса, будут ли их *выпить*

(ловить и задерживать) контролеры и милиционеры,⁴ будут ли останавливаться машины и т. д.

Первый закон трассы — «всегда вперед!» — утверждает самоценность пути как образа жизни; цель не важна. «И подстегиваешь жизнь — себя, — заставляя выходить утром на облитое росой шоссе — шведиться, зная доподлинно одинаковость пунктов отправления и прибытия. — По хрену, — бросает некто, еще увлеченно хватающийся за ручку тормозящего попутного (вот странное слово, а?) КамАЗа...» (из рукописного журнала «Ы»). Путешествуя автостапом, лучше идти вперед, чем стоять и ждать машины. Иногда этот принцип вступает в противоречие с практической логикой: «Логичнее было бы, — говорил мне один из *стопщиков*, Майкл Какаду, — идти назад, навстречу машинам, или на месте стоять. Бывает, стоят мужики, голосуют. Ты их обгоняешь — и они, может быть, поймут твою машину, которая могла бы взять тебя. Но ты себя считаешь профессионалом трассы, а они любители. Для них это случайность, для тебя это жизнь. И ты им как бы даришь эту машину. Широкий жест делаешь. У них это один раз за день, а ты сколько еще машин *застопишь* до вечера. Это надо выполнять, чтобы была кайфовая трасса: чтоб хорошо останавливались машины, чтоб не было *стремахов* (тревоги, неприятности, помехи. — Т. Ш.). Просматриваются несколько хип-культурных норм: помимо приверженности путешествиям, также пренебрежение выгодой, обычной раздирать имеющиеся, отказ от борьбы и насилия, общеприимская ответственность. Обратим внимание, что на трассе все эти нормы получают магическое подкрепление («Это надо выполнять, чтоб была кайфовая трасса») и тем самым — сакральную значимость. Нормы проявляются на трассе в своей фиксированной, концентрированной, ритуализованной форме.

Еще один важный закон трассы — «не спорить об общих проблемах» — отражает пацифистскую норму терпимости, обеспечивающей идеино-мировоззренческий плюрализм тусовки (что опять-таки относится не только к хип-культуре).

Важное качество путника — общительность: все время повторяют пословицу, что «длинный язык — посох странника»⁵. Существуют специальные приемы разговорить встречного, заинтересовать водителя попутного автомобиля — даже жанровая форма *папуза* (заполнения коммуникативного пространства во время пути) или *телеги* (первоначально — дорожного рассказа, который, как телега, должен «везти» своего рассказчика, обеспечивая ему расположение водителя).

Еще одно правило странника — пренебрежение материальной стороной жизни: «не делай запасов», «само придет», — наставляют новичков опытные путники. Идеальный рюкзак — полупустой, в нем только смена белья, *трасник* и флейта, и лучше его вообще за-

быть где-либо: «Не имейте привязанности к вещам, которые у вас в рюкзаке: если вы почувствуете, что не смогли бы продолжать путешествие без какой-либо вещи, — значит, зря вы ее потащили с собой. Если вы утратили вещи либо деньги — возмущайтесь за того, кто нашел их... Если кончатся деньги и еда — уничтожьте остатки, не оставляя никаких «неприкосновенных» запасов, и продолжайте путь...»⁶ — сказано в достаточно типичном по содержанию наставлению для начинающих путешественников (автор — опытный практик *авто-* и иного *стопа*).

Некоторые люди Системы упоминают «суверие»: не следует выходить на трассу с деньгами. Крот из Владивостока пишет на одном из сайтов, посвященных Системе: «Пиллы, которые когда-то рассказали мне про стоп, относили случаи гибели хипов на трассе к отсутствию реальной нужды в стопе или к наличию денег, «тянущих к земле — и в землю»... Они верили, что каждый участок трассы имеет духа-хранителя, благоволящего к безденежному и гневающегося на «туристов». Если у духа смиренный нрав — обходится мелкими неприятностями, а если крутой — то человеку с деньгами (и ценностями) приходит конец... Чтоб задобрить духа трассы, перед началом пути выбрасывают на обочину всю мелочь из карманов; не одевают часы, новую одежду и т. д.»⁷

С постоянным и возведенным в принцип безденежьем хиппи связан важный для них навык — умение *жить на аске*. Таким путем обеспечивают минимальное питание, ночлег, настраиваются бесплатно в попутные теплоходы. Существует правило «ограничения аска», так чтобы это не превращалось в привычку или промысел, а оставалось лишь средством минимального самообеспечения в пути. Prestижным считается умение путешествовать без денег или с минимальным их количеством, чем всегда бравировуют, и не только хиппи. Например, у футбольных фанатов существуют «легенды, как некоторые люди ехали в Ростов, имея при себе три тысячи (три деноминированных рубля; в описываемое время «три тысячи» — эквивалент пятидесяти центов. — Т.Ш.) в кармане. Принципиально не платят». У хиппи, фанатов и других путешествующих популярен сюжет о контролере в автобусе, электричке: «С контролером... Хотел высадить двух фанатов, в тамбуре. Они: «Да вы что, мы все тут едем...» — «Ну и что, всех высадим?», — потом заглянул в вагон, а там человек семьдесят...»⁸. В хип-культурной среде популярны фенечки-амулеты «от контролеров».

Еще один «закон» — избегание контактов с властными структурами. Увидев чиновничью машину, особенно с мигалками, необходимо сразу броситься в придорожную канаву: пусть проедет. Объясняют не столько реальной опасностью, сколько плохой приметой. Законы трассы требуют сторониться государственных служащих (в лице милиции и контролеров) и служебных машин.

Каждый эпизод трассы интерпретируется как знак той или иной субкультурной нормы. Элементы окружающей среды, дорожный пейзаж и оборудование также получают второе значение. Характерно перекодирование названий попутных поселений и дорожных знаков. Знак, изображающий падающий с обрыва автомобиль, прочитывается как «облом»; едущий паровоз — «паровоз» (сленговое слово из языка наркоманов) и т. д.

Весь комплекс трассы формирует привычку, потребность и поэтику бродяжничества, так что даже оседлая жизнь строится по «закону трассы» (по той же матрице). Именно в пути весь комплекс субкультурных норм приобретает обоснование и смысл. Поэтому путешествие становится поводом осуществить, пережить на практике, сформировать этот образ жизни и тип отношений, играя, таким образом, по существу посвященческую роль.

Все происходящее на трассе, каждый эпизод путешествия приобретает символический и даже сакральный смысл. Правила поведения и ритуалы трассы (*законы трассы*) соответствуют какой-либо из хип-культурных норм: терпимости, спокойствию, нетеропливости, открытости, нестяжательству, дистанцированию от власти. Все это не что иное, как нормы Системы, восходящие к традициям хип-культуры.

Трасса — метафора и модель базового для хип-культуры типа межличностных отношений, осознающихся как контакты *путников* — временные, мимолетные, без взаимных обязательств, порой достаточно искренние (подобно исповеди в вагонном купе), поскольку не включают опасений от последствий. Именно эту метафору использует А. Мадисон: «Что такое хипнизм? Это гипотеза об общности, почти не-реальности, попытка быть текущей рекой — без берегов... Есть такой район в Сан-Франциско — Хейт-Эджери. Оттуда все пошло. Именно там состоялось памятное «лето любви» 1967 года. И вот некий безымянный хиппи так высказался о его пилле: «Я чувствую, что они — мои люди. Это как на трассе... встречу с хиппи там воспринимаешь как чудо, потому что она — мгновенная связь, мгновенная любовь и готовность помочь»⁹. Итак, хипнизм — это «как на трассе».

Таким образом, прохождение трассы позволяет пережить опыт отношений в Системе, подкрепленных детально разработанными и сакрально подкрепленными правилами. Трасса — место, где знание норм переходит в непосредственный опыт их реализации. Практика путешествия, причем ритуализованного и построенного в соответствии с традициями Системы, означает и обеспечивает переход со знакового уровня освоения этих традиций (понимания символов сообщества) на поведенческий (когда эти символы и заключенные в них программы формируют его реальное поведение). Последствия перехода мы рассмотрим в следующей главе.

Примечания

- ¹Щекочихин Ю. По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 81–93.
- ²Хорошилова Т. Гремящая пустота // Собеседник. 1987. № 2. С. 12.
- ³Куликов В. Беспризорные «фанаты» // Комсомольская правда. 1986. 5 окт.
- ⁴Илле А. Доклад на семинаре «Молодежный Петербург» (рук. В. В. Костюшев). Июнь 1998 г. Институт социологии РАН, СПб.
- ⁵Кротов А. Практика вольных путешествий. М., 1997. С. 15.
- ⁶Там же. С. 12–13.
- ⁷Е. Балакирев (Крот). Стоп-сигнал: <http://www.altruism.ru>.
- ⁸Илле А. Указ. соч.
- ⁹Мадисон А. «Хиппи — выход из этой игры» // Северный семестр: Информ. вестник обл. пгтаба студ. отрядов Коми обкома ВЛКСМ. 1989. 21 авг., № 78. С. 4.

Глава 6

Мифология и практика управления

Рассмотрим четвертый принцип интерпретации Системной символики: «энергетический», когда объяснения значений тех или иных символов сообщества сводятся к разговорам об их мистических или *астральных, космических* и тому подобных *энергиях, силах*, посредством которых они способны воздействовать на людей, среду и формирование отношений. Данный тип интерпретаций связан преимущественно с отношениями власти, авторитетом и функцией управления. Интерпретирующим множеством служит комплекс мистических представлений, транслирующийся в рамках эзотерической традиции в узком кругу имеющих опыт лидерства оловых людей.

1. «Энергия» символа: четвертая интерпретация

Несмотря на разговоры о невозможности лидерства на тусовке, мы наблюдали здесь различные формы управления. Другое дело, что предстают они не в привычной для институциональной системы «большого» общества форме. В неформальной среде лидерство также не формализовано.

Приемы управления чаще всего основаны на манипулятивных техниках и вырастают непосредственно из навыков самопрезентации. Вспомним, как системный пипл экспериментирует с атрибутикой, надеясь вызвать определенную ответную реакцию. Десс ходит в шутовском колпаке, чтобы вызвать улыбку, Максим, появляясь на тусовке, раз от разу меняет *прикид* и следит за реакцией окружающих. Человек намеренно создает собственный символический

образ, функция которого — управление реакцией окружающих: путем экспериментов и подражания подбирается вариант, наиболее действенный в Системной среде.

В ходе экспериментов с символикой и формируется слой способных использовать ее для манипуляций поведением людей — будущие или возможные лидеры.

Следующий шаг — формирование «энергетического» языка для фиксации находок (оправдавших себя приемов манипуляции символами). Тем самым формируется еще один ключ или принцип интерпретации символов — «энергетический». Язык этот и ключ появляются в ходе описанных выше экспериментов, вырастая из них. Приведем пример: «В Сайгоне, — рассказывает мне Диззи, — энергетика *кришу двигают*. Девушка одна мне говорит: „Вот, прихожу в Сайгон, голова болит ужасно“. Я ей говорю: „Так уходи отсюда“. Она не уходит. Я ее-таки увел. А это там *энергетика ведут свои астральные войны*. Дикобраз сказал, что от этого нигде не денешься, это политика (говоря о «политике», Дикобраз имеет в виду связь «энергетических» манипуляций с властью, влиянием. — Т. Ш.). От головной боли, — продолжает Диззи, — как избавляются: покрывают-покрывают (в голове, мысленно), начинают ускорять — был круг, стала змеюка, открываешь шестую чакру — и она (змеюка. — Т. Ш.) вылетит; и не дай Бог человеку попадет в это время. И не дай Бог тоже на лоб сюда между глаз — и тоже у него будет головная боль. Один — Шико — пошутит, и случайно у того, напротив стоящего за столиком в Сайгоне, — тоже голова заболела. Шико говорит: „Я не хотел!“. В общем развлекаются, оперируя символами (в том числемыслеобразами) — и описывая эти манипуляции в терминах «мистических энергий», под которыми понимают влияние, оказываемое символами и посредством символов. «Знаки — они сами работают, — предупреждал меня один из влиятельных в Системе людей, умелый, по моим наблюдениям, манипулятор. — Символы обладают особой энергетикой. Глядя на символ, вы попадаете под его влияние... Символом можно повлиять, даже убить. Вы поосторожнее. Это оружие, крутое оружие» (Москва, 1988). Фактически, в данной ситуации в терминах «энергии» обозначается функция управления. Важно отметить возникновение языка для описания ситуаций и способов влияния (управления).

«Средоточиями энергии» считаются также места и предметы, насыщенные символикой Системы. Говорят об «энергии фенек» и «энергетическом куполе», образующем потоками энергии, стекающей с длинных хипповых волос. Волосы и феньки — самые распространенные атрибуты Системы и одновременно, по ее представлениям, наиболее «энергетически насыщенные». По словам Соляны, его картины с изображением ирисов также «несут энергию» — именно потому, что в них заложена символика хиппи: «Цветок, — объясняет он, — это символ хиппизма. Сила в цветах».

Насыщенными энергией считаются места, маркированные символами Системы: например, Ротонда, где стены покрыты были множеством граффити. Энергия, по поверьям Системы, концентрируется на *флэтах* и наиболее популярны тусовках, где собирается много народа. В данном случае под «энергией» понимается коммуникативное значение места.

В некоторых ситуациях «энергия» символов трактуется как их способность обеспечивать своему обладателю социальную поддержку. Есть поверья, что некоторые элементы *прикида*, особенно символические, способны служить талисманами: помогать при встрече с контролерами на трассе или облегчать устройство на ночлег в незнакомом городе. Вспомним приезд Тимофея в Ригу: использование символических средств действительно помогло ему с ночлегом. Уместно напомнить и рассказ о хиппах-безбилетниках, принятых контролером в электричке за сумасшедших именно благодаря их *прикидам*. Атрибутика «отвела» контролеров и позволила продолжить путешествие. Символика внешности была использована для управления средой. Любые знаки Системы воспринимаются пиплом как свидетельство доброжелательности среды, возможности поддержки и помощи с ее стороны. Поэтому на трассе, видя «пацифики», нацарапанные на дорожных указателях, пипл радуется: «Значит, наши прошли, ощущаю тепло, мне хорошо становится».

Утрату социальной поддержки, вредность среды они описывают как результат утраты символа-талисмана. Жена из Приуралья приехал по *трассе* в Питер. Дело было в конце 1980-х, в самый разгар боев Системы с *люберами*. У Жени был талисман — костяная фигурка чукотского божка, подаренная матерью: «Хранит от всякого зла. Отводит ... голников всяких». Без этой феньки он ощущал себя беспомощным, утратившим силу и защищенность: «Я могу рассказать, что было, когда я на один день дал поносить его (амулет. — Т. Ш.) одной девушке с Казани (непонятно, то ли из города Казани, то ли с тусовки у Казанского собора. — Т. Ш.). Во-первых, я мучился... весь этот день был такой плохой... Я не мог ничего сделать: при мне любера увели две герлы, и я ничего не мог сделать» (СПб., 1989).

Дикобраз рассказывал, что его «убивают» «энергетическими книжалами». Используя наш «социологический» ключ, можно интерпретировать это как ощущение утраты социальной поддержки, вытеснения из сообщества. Действительно, в то время он поссорился с самым авторитетным в его компании человеком, который, как ему представлялось, и «охотился» на него с «энергетическими книжалами». «В результате, — жаловался Дик, — я один остался... у меня было много друзей, это все люди, с которыми я общался. Теперь я один остался». Эту ситуацию он и описывает как попытку энергетического убийства, предпринятую лидером группы. Позже выяснилось, они еще и соперничали из-за девушки.

2.1. МИФЫ ПУТИ

Полная утрата поддержки, выпадение из системы отношений, изгнание из сообщества описывается как «энергетическая смерть»; стремление лишить другого человека социальной опоры — «энергетический (астральный) удар»; борьба за влияние — «астральные войны». Бесконтрольное пользование поддержкой и помощью без взаимной отдачи находит отражение в дискурсе как «энергетический вампиризм» или «высасывание, пожирание чужой энергии. Во всех этих выражениях достаточно отчетливо выражено понимание под «энергией» степени социальной поддержки. «У каждого человека есть свой энергетический потенциал, поток ритм, частота и так далее. Группа имеет свой поток. Человечество. И цель человека, вообще овладения энергией — это чтобы твой поток влился в общечеловеческий». Таким образом формулируется задача социального самоопределения, интеграции в социум.

Чем больше поддержка среды, тем выше, по представлениям Системы, энергетический потенциал человека. Обладатели самого высокого играют роль лидеров: «Лидером себя видит тот, — объясняли мне Системные энергеты (разбирающийся в мистике люди), — у кого большой потенциал. Биопотенциал.. Много энергии» (М., 1988). Много энергии = много поддержки. Пока это социологическое прочтение оправдывается.

2. Коды управления

Существует целый пласт поверий об «энергии» и основанных на них ритуальных действий. Значительную их часть можно интерпретировать как выраженный «энергетическим» языком опыт управления.

Массив поверий и рассказов о таинственных «энергиях» распадается на две группы: «мифы пути» (способы завоевания власти) и «мифы борьбы» (способы удерживания ее). Таким образом, поверья фиксируют выработанные традицией способы обретения и сохранения позиций лидера, т. е. создания и управления ядерной структурой. Заметим, что «энергетические» тексты в таком случае прочтываются двумя способами. Первый — социологический: понимание «энергии» как обозначения социальной поддержки, степени влияния, авторитета и т. п. Но есть и второй — символический: в этом случае «энергия» интерпретируется как обозначение информационных процессов, концентрации символики. Второй ключ считается в наибольшей степени эзотерическим, доступным только узкому кругу олдовых, имеющих авторитет и опыт влияния (управления).

Начнем с мифов пути, т. е. поверий о способах достижения лидерства. Основное средство обретения «энергетического бессмертия» (стабильной и сильной социальной опоры) — личный символ: «В Системе, — говорил мне Сольми, — есть очень крутые люди, как столпы. «Чем они отличаются?» — «Символ! Если у человека есть символ, он бессмертен!». Именно при помощи личного символа «системные» лидеры оказывают управляющее и формирующее воздействие на поведение окружающих. Как это происходит, мы уже писали в разделе о передаче и толковании фенек. «Символы обладают особой энергетикой, — говорит Сольми. — Глядя на символ, вы попадаете под его влияние... Следовательно, чтобы стать лидером, необходимо обрести личный символ и научиться с ним обращаться.

Таково поверье, и его последствия обнаруживаются на практике. У каждого олдового есть личный символ: у Сольми, как мы помним, — улитка; подобно другим символам Системы, смысловую начинку его образуют все те же нормы («свобода», «любовь», «ненасилие»). В принципе личным символом может стать что угодно, но нечто яркое и запоминающееся, и обладатель его должен уметь выразить через этот образ и как-то связать с ним ценностный мир сообщества. «Смотреть и видеть есть удел немногих, — говорит Сольми. — Во всем есть символ. Можно все познать через любую вещь. Такой вещью для меня служит улитка. Через нее я смотрю на мир и понимаю». Но «смотреть и видеть» подобным образом, умея манипулировать символом, владеть механизмом его наполнения информацией, «есть удел немногих». Познавший этот механизм фактически освоил основное средство управления. Такие люди обычно пробуют себя в роли лидеров, производя социальные эксперименты. Десс рассказывал мне: «Был в Москве один Системный мыслитель, Максим. У него была такая фраза: можно взять любой молодяк, вложить им определенные идеи (дать символ. — Т. III), и они пойдут за тобой в огонь и в воду. А внушить им можно что угодно...» Другой, некий Менестрель, как рассказываю, продал такой эксперимент: «Взял, придумал молодежное движение — Лигу автономов. Сочинил несколько тезисов, нашел некоего Додо (а он из ближайшего окружения Менестреля), въехал, что он глава Лиги автономов. Протолкнул несколько телег (запустил в Систему информацию о новой лиге. — Т. III), и все в порядке. Тезисы были основаны на раннем хиппизме, только значительно свободнее: неприятие и непонимание твоих поступков окружающими еще не повод их не совершать — основной тезис, который проводил Менестрель. Смеялся: «Вот, автономы, а в принципе все то же самое, название другое, а все то же...» Менестрель очень быстро от них отошел, стал подсмеиваться: «Вот, ничего не стоит людям в головы вбить лозунги, заставить вести себя, как ты хочешь». Подобные эксперименты вообще

весьма характерны для одловых и *одловоецких* и основаны на использовании «энергии» символа: человек учится создавать коммуникативную сеть и манипулировать ею, получая в результате сообщество своих сторонников.

Одно из средств обретения «энергии», а с ней и социального веса в Системе, — творчество. Говорят, ее «можно приобрести от созерцания прекрасного... от музыки... Творчество дает очень большую энергию — но только оно должно быть чистым, полностью искренним...». Очевидно указание на еще одно занятие лидера — работу над языком управления: поиск образов, которые он использует как носители информации, т. е. как символы. Разговаривая с одловыми, я заметила, что каждый из них, рассказывая о своем пути, упоминал момент просветления: в этот момент он осознает роль символа и начинается то, что мы назвали работой над языком. Мне пришлось наблюдать три ее формы: собственно творческие поиски (символические эксперименты в музыке, живописи, поэзии); повышение семиотичности повседневного поведения, внешности и речи, весьма характерное, и тем в большей степени, чем больше человек свывается с ролью лидера; наконец, социальные эксперименты.

Повышенная внешняя семиотичность Системных лидеров обращает на себя внимание при первом же знакомстве. Собирая материал для книги, я специально искала встреч с Системными авторитетами. Нельзя было не заметить общую, пожалуй, для всех них черту: особую образность, даже некоторую иррациональную манеру речи и обстановку *флэтов*. Их внешность характеризует их как идеальных представителей Системы. «Лидеры в Системе, — говорил мне один знаток символических манипуляций, — они знают уже средства (воздействия). — Т. III): внешность имеет очень большое значение... И бывает: чем длиннее волосы, тем выше у тебя вес в Системе». К самой жизни они относятся как к искусству.

Многие, если не все, лидеры в Системе занимаются живописью, музыкой, поэтическими опытами или всем вместе. Яркий пример — Б. Гребенчиков, который не только поет и сочиняет, но и устраивает выставки своих живописных полотен. «Сольми почему лидер? — рассуждает хорошо знающий его друг. — Таких много... У Сольми для этого есть все. Плоды своего творчества... Он и рисует, и играет. И в течение года-двух они (приходящие в Систему подростки, которых он посвящает. — Т. III.) — поклонники Сольми». Творчество становится признаком, связанным с ролью лидера.

Характерной особенностью Системного творчества служит его поисковая направленность. Цель — не столько создание законченного произведения, сколько сам поиск символических средств воздействия на личность. Один экспериментирует с фан-

тастическими образами, другой — с цветами, испытывая их психологическое воздействие: «Искусство должно, — говорит он, — воздействовать на зрителя. Это нормально, к этому стремится художник. Арсенал художника: цвет, линия, способы выражения. С их помощью можно выразить мысль. Символические цвета — это воздействие на подсознание. Сверху этого уже дается мысль, уже объект, т. е. воздействие на сознание». Результатом поисков становится, как и можно было ожидать, выработка личного символа — в данном случае им становится не конкретный образ, а цветовая комбинация: «Мои цвета — красный, черный, серо-желтый, плотный синий. Все пронизывается красным». Цветовая символика, как и любая иная, выражает систему его взглядов: все те же ценности правды, гармонии различных начал (инь-ян). «Живопись, — объясняет он, — должна нести в себе мысль, а отношение добра и зла — это основной смысл, поэтому живопись должна объединять в себе эти два начала... Все художники — реаллисты: они изображают реальность. Но эта реальность должна быть верной: и черное, и белое...»

Подобным же образом экспериментируют с музыкальными образами, ритмами, тембрами — испытывая их влияние в поисках желаемого эффекта. Поиск ведется и в сфере вербального творчества, где значимы не только смысл, ритм, порядок слов, но и манера произношения. Многие одловые специально экспериментируют с тембрами голоса, добиваясь наибольшего воздействия.

Пожалуй, становится понятно, почему Системное творчество и вообще плоды творчества, происходящие из альтернативных сфер культурного пространства, почти всегда несут отпечаток того, что принято называть формалистическими поисками. Искусство андеграунда действительно по своему главному предназначению — поиск, но отнюдь не бессмысленный, как может показаться со стороны: художник ищет пути воздействия на человека. Эта работа над языком управления, в чем сам ищущий практически всегда отдает себе отчет. Это лаборатория символа.

Для контркультуры весьма характерен тип лидера-художника (или поэта-пророка)¹; впрочем, иногда подобные фигуры проявляют себя не только в контркультурной, но и в публичной и политической сферах. А. П. Козин пишет, например, о подобных средствах самопрезентации в публичной политике: «У политического лидера заметны черты творческого художника. Он через свою риторику, лозунги и тактику манипулирует существующими символами или творит новые»². В мифологии Системы это отразилось в виде поверья о том, что творчество способно повысить энергетический (социальный) потенциал, вывести в лидеры.

Существующие несколько способов его повысить или обрести связаны уже не с личными поисками, а с практикой межличност-

ных отношений: завоевания сторонников, использования их, нейтрализации соперников. Первый способ — оказывать окружающим поддержку, а главное — быть готовым помочь, демонстрируя эту готовность. «Самый лучший способ иметь энергию — ее отдавать: заботиться о людях, делать что-то. Но только подлинно полезное, подлинно интересное. У меня был в детстве такой опыт интересный (я имею в виду духовное детство, мне двадцать один год был). В поликлинике. А там все больные, все *тянут энергию*. Ну, я вначале долго защищался (все эти детские приемы типа: представлять себя в яйце, замкнутым — но от одной, разовой, нападки так еще можно защититься, а если постоянно — не спастись). А потом взял, открылся. Думаю: пусть берут, они все старые, старые... И тут же почувствовал, как на меня *хлынул сверху поток. Свет сошел на меня и пошел сквозь меня, сверху прямо...*» Установка на открытость и сострадание вызвала облегчение: лучше и легче быть готовым прийти на помощь, чем все время закрываться. На стене Ротонды написано: «Драться нужно светом!» Так обычно и поступают Системные лидеры: общаются и на первых порах оказывают новичкам поддержку, успокаивают — и тем привлекают сторонников и последователей. В действительности, как сказал мой собеседник, лучший способ получать энергию — ее отдавать: получать поддержку, оказывая ее: один из самых обычных путей становления лидера, особенно в «пионерской» среде.

Некоторые «увеличивают свой потенциал» по-другому — «забирая энергию»: умеющий и знающий, как это делается, «выбивает твой энергетический поток из общего потока человечества и заставляет работать на свою программу», т. е. использует твою социальную поддержку и силы в собственных целях. «Выбить энергетический поток» — означает: вынудить уйти из прежнего сообщества или вообще из общества. В данном случае важны и значимы различные обряды надения символом: дарение фенек, наречение именем — именно они становятся средствами передачи программ. Поэтому говорят, что дарящий феньку нередко забирает, «тянет», твою энергию. Мне говорили про Сольми: «Он обязательно феньку дарит, многим дал имена — как *вампирик* выступает». Имеется в виду *энергетический вампиризм* (одно из распространенных в Системе понятий) — потребление *чужой энергии*, под чем понимается фактически социальная манипуляция. Раздаривая человеку свою символику, Сольми или любой другой Мастер передает ему и заключенные в ней программы поведения, тем самым получая возможность использовать человека в собственных интересах. Соответственно, увеличивая свою «энергию», т. е. социальную опору, авторитет, круг влияния. Крайний случай подобного «вампиризма» — *астральное убийство*: «На их языке „убить“ — это разрушить старое, создать новое. Во имя светлой идеи. Астральным образом уни-

вают, чтобы создать свое», — объяснял мне один энергет. Иными словами, под *астральным или энергетическим убийством* понимают выведение человека из-под влияния прежних лидеров, чтобы вовлечь его в свою группировку: это еще один способ «увеличения потенциала».

«Астральное убийство» — ответственное предприятие, к нему психологически готовятся и обставляют ритуальными действиями: «Поливают крыльцо (жертвы. — Т. Ш.) трупным бульоном — из трупа собаки или кошки. Сжигают его волосы, протыкают фотоаграфию иголкой... А потом всю ночь медитируют — огненные потоки направляют (в лоб жертвы. — Т. Ш.). Разрушают *энергетическую защиту*. Вбивают клинья в определенные места (мысленно. — Т. Ш.). Можно так убить человека: убить духовно, астрально...» Все эти обряды — и физические, и мысленные — акты автокоммуникации: самонастройки лидера, фиксации цели. Он сосредоточивается на личности объекта влияния и в образной форме проигрывает план действий. План же этот обычно состоит в перепрограммировании: «Он убил христианина догматического и сделал из него человека, который будет общаться с природой», — приводит мне пример «энергетического убийства» один известный в свое время *чернушник* из Москвы.

Мы показали несколько образцов того, как «энергетическим» языком описываются способы достижения позиций лидера: увеличение социальной поддержки и социального влияния. Такого рода поверья мы и обозначили как «мифы пути» к верхним ступеням социальной структуры Системы.

2.2. МИФЫ БОРЬБЫ

Рассмотрим другую группу текстов, касающуюся «астральных войн», «энергетических ударов» и тому подобных «черных атак» т. е. описания борьбы за сохранение статуса лидера. Начнем с примера из рассказов уже упоминавшегося Дикобраза. «Меня сейчас убивают. Методично убивают, уже неделю... Вот мой дом, а здесь арка, и там спирали — энергетические кинжалы. Это как энергетические кинжалы. У меня одно — в одну сторону линии идут, — а они в другую. И меня буквально расшатывает. „Мясорубка“. Это ловушка... Идешь сквозь нее — тебя трясет». Реальные, но скрытые события — это конфликт с лидером группы, которого Дикобраз подозревает в «убийстве»: «А тех, кто все это делает... я их знаю... Это могут быть двое человек, но я не знаю, кто из них... Понимаете, мы занимались этим, биоэнергетикой. И потом расколосились на две группы, стали враждовать. И вот те против нас».

«Астральные войны» — конфликт между лидерами или теми, кто может претендовать на эти позиции: один пытается лишить дру-

того влияния («астрально убить») или подчинить себе, другой со-противляется, также «энергетическими» средствами.

Системная традиция выработала способы противостояния «астральному удару», т. е. защиты позиций лидера от посягательств соперников. Эти средства также позволяют не подпасть под чужое влияние. На языке «энергетики» они описываются как «астральная защита». В рассказах моих собеседников фигурировали четыре основных ее способа.

Первый — открытое противостояние. Человек совершает мысленные обряды: «Я пробовал вначале защищаться, — говорит Дикобраз. — Простые способы защиты: диски — один так вращается, другой в другой плоскости. Немного помогает (в этот момент) но не снимает (опасности)». Диски, разумеется, воображаемые: речь идет о ритуальных манипуляциях с мыслеобразами, играющими роль ритуальных символов, наряду с материальными объектами (арка, лампа уличного освещения). Суть совершаемого мысленно ритуала состоит в том, что человек переживает собственную защищенность перед натиском соперника. Это проект его отношений с соперником: не поддаваться давлению, часто проявляющемуся в виде прямых или неявных угроз. Обряд мысленной защиты снимает страх, обеспечивая тем самым психологические условия выполнения намеченных действий уже на практике. Кроме «дисков», в ходу и другие образы противостояния: «стена» — надо мысленно воздвигнуть вокруг себя стену; «консервная банка» — надо представить себя внутри перевернутой банки и т. д. Смысл один: мысленно отгородиться от лидера-соперника и навязываемых им программ. Разновидность стратегии противостояния — программа ответной агрессии: необходимо представить себе зеркало, отражающее энергетические потоки, направляемые врагом, и их вредоносное воздействие вернется к нему. Один из моих собеседников советовал даже «многослойный защитный энергетический кокон-зеркало». Настроившись на соперничество, человек затем противостоят своему врагу на практике, иногда вплоть до разрыва отношений. Внешне это может проявляться в ритуальных формах, например он отказывается принять фенечку: «Бывает, вижу я какую-нибудь фенечку, — говорил мне Соляны. — Ну, хорошая. Интересно сделана, задумана. Но одевашся — не твоя и все». Отказ от фенечки становится отказом от программы, навязываемой посторонним человеком, и отношений с ним. Иногда фенечки «теряются» — тот снова дарит; они снова теряются. Потеря фенечки означает демонстрацию отказа принять покровительство подарившего ее человека.

Второй путь «астральной защиты» — обращение к альтернативному лидеру. В ситуации конфликта с влиятельным человеком человек ищет защиты у другого. «Одной девочке, — рассказывали

мне, — подарили фотографию с иконы. Подарил один человек. И у нее развился невроз. Ну, пришел человек один, Д, он в этом много понимает. Он сказал, что это от иконы болезнь происходит. Надо ее (икону) убрать». По поверьям, через изображение, как и через любую фенечку, передается «энергетика» подарившего (здесь его программы). Поэтому Д и предложил избавиться от иконы — прекратить тягостное для девушки влияние. С этих пор Д сам берет ее под свое покровительство. Это довольно типичное развитие событий: чувствуя, что его «убивают», ищут другого «знающего» и «энергетически сильного» (влиятельного) человека. Он обычно подтверждает, что причина психологического дискомфорта — лидер сообщества, прежний покровитель или просто друг. Вместе с тем он задает программу дальнейших действий: необходимо избавиться от влияния человека, уничтожить память о нем (теряют или выбрасывают его фенечки). Затем он дарит собственную фенечку — знак новой связи.

Третий вариант противостояния чужому влиянию — попытка самому выделиться в лидеры, сформировав собственную группу. Многострадальный Дикобраз испробовал в конце концов и этот путь. Он нашел людей, жаловавшихся на «энергетические» происки человека, с кем воевал он, и решил взять их под свою защиту: «Люди... их трясет, как от холода, но это не холод. Я вижу, как по его спине, голове берку катится, с железными шипами. Я чувствую, что он чувствует. Беру это на себя, потом скидываю...» Если мысленный обряд — это самопрограммирование, то в данном случае возникла программа сближения с также противостоящими сопернику. «Враг моего врага...» В результате Дикобраз сколотил группу поддержки, приобретающей собственных учеников и последователей.

Четвертый способ «энергетической защиты» определяется как «пустота» (намек на даосские и чаньские практики медитаций на пустоту). В отличие от трех перечисленных выше, он не предполагает разрыва с прежней группой. Он направлен на снятие конфликта и сохранение отношений. Но вместе с тем позволяет отказаться от программ, навязываемых соперником, не подпадая под его влияние. Этот путь считается более сложным, чем противостояние. «Может, я не прав был в том, что пробовал защищаться, противостоять, — рассказывал Дикобраз, анализируя свой опыт «астральной» борьбы. — Слабое побеждает... Пробовал «пустоту»: стать пустым. Но это не подходит: они хотят, чтобы я отказался от своей программы. Они этого и хотят. А я не могу отказаться». Путь «пустоты» — линия пассивного сопротивления: ты не принимаешь чужой программы, но и сам не навязываешь группе свою, т. е. отказываешься от притязаний на лидерство. Моего собеседника это не устраивало, поскольку к тому времени вокруг него уже были последователи, готовые разделить его путь, т. е. вокруг него сформировалась группировка ядерного типа.

«Пустота» же позволяет остаться в группе, сохраняя в ней довольно независимые позиции, но без претензий на лидерство.

Таким образом, поверья «энергетического» цикла определяют способы и сохранения позиций лидера. Все, о чем шла речь, — только ритуалы, мысленные или вполне видимые манипуляции с символами. Они задают программу поведения, путь желаемой перестройки отношений.

2.3. ДВА ТИПА ЛИДЕРОВ

Согласно Системным представлениям, существует два типа лидеров: *светлые* и *чернушники*. «Можно энергию отдавать (это помогает — белая магия) и ее забирать (это черная магия)». Черный лидер только «забирает энергию», не отдавая: использует вашу поддержку, ничего не давая взамен. Светлый, «забирая», сам является источником «света» — обещает вам опеку и помощь. Например, в обряде дарения феньки: «И вот, — говорит он, когда дарит фенечку, — в знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах, в знак того, что ты можешь на меня положиться, в знак любви к тебе (в широком, Системном, смысле слова), — я дарю тебе феньку» (Десс. Л., 1988). В момент, когда «светлый» лидер передает человеку свою программу, он берет на себя и некоторые обязательства. На основе подобных связей возникают группы ядерного типа, объединяющие новичков, нуждающихся в защите, помощи и знаниях лидера. Они группируются вокруг олдогого, становящегося *светлым* лидером. Его «свет» — «излучаемые» им любовь, духовность и прочие символически демонстрируемые им нормы Системного набора. «Свет» — это образ лидера, с помощью которого он завоевывает авторитет и побеждает противников. «Драться нужно светом!» — эту фразу со стен Ротонды можно считать формулой подобного управления.

Чернушник, в отличие от *светлого*, не желает «отдавать энергию»: используя действия своих сторонников, он не признает ответных обязательств. «Они и в жизни так делают, — заметил один из моих собеседников. — Бросают в трудный момент, подводят тебя... И этим довольны... Неблагодарны — как в энергетическом смысле, так и в жизни. Это их любимые штучки». Приведенное высказывание — фактически перевод формулы «чернушного» управления с «энергетического» языка: забирать, не отдавая. Это способ добиться своего в конкретной ситуации, не обращая внимания на то, чтобы привлечь к себе кого-либо надолго — управление без группы, ситуативное. Отсюда и возникает необязательность, неблагодарность и проч. Чернушник — лидер момента.

С другой стороны, он — лидер конфликта. «Светлый» проповедует мир и покой, а чернушник постоянно ведет «астральные войны», пытаясь кого-то «убить», кому-то противостоять. «Светлые и

чернушники, — говорят в Системе, — это две игры. Один чувствует комфорт в своей личности, если он кого-то ругает, старается обидеть в споре... А другой — он чувствует комфорт, когда проповедует любовь, не ругается, играет в христосика».

Чернушник и его методы воздействия приспособлены к конфликтной ситуации. Он «астрально убивает» соперника, т. е. претендует на уже занятое место, поэтому ему и выгоден конфликт. Светлый же хочет сохранить собственные позиции и всю систему в неизменности, поэтому заинтересован в сохранении мира. Ему не хочется, чтобы кто-то боролся с ним за влияние. Светлый — лидер сбывшийся, а чернушник — лишь претендующий на власть. Большую роль в тайных обрядах чернушников играет перепрограммирование. Он нередко пытается кого-то «убить» — что означает: стереть прежнюю программу, а взамен вложить собственную. С другой стороны, «астрально убить», как уже говорилось, означает «вытеснить» человека (прежнего лидера или соперника, претендующего на это положение) из группы. Таким образом, *чернуха* в контексте Системных взаимодействий — своеобразный способ борьбы за влияние.

В целом цикл поверий и представлений, концентрирующийся вокруг понятия «энергии» представляет собой код ядерных структур. Владеющий им способен создавать такие структуры, а они обеспечивают воспроизводство традиции. В поверьях об «энергии» закодирована программа развертывания ядерных структур: образования вертикальных связей, вербовки сторонников, нейтрализации соперников, самоутверждения в роли лидера. Таким образом, «энергетический» язык — это код структур самовоспроизводства Системы, каковыми являются ядерные структуры (объединяющие новичков и хранителей традиции). Причем благодаря существованию «энергетического» (как и любого другого эзотерического) языка коды ядерных структур способны транслироваться независимо от всех прочих, т. е. становятся возможным их автономное воспроизводство.

3. Сети посвященных

«Энергетический» язык, впрочем, служит не только кодом отношений лидерства и основанных на них ядерных структур. На его основе формируется еще один тип структуры: сеть, объединяющая посвященных в секреты манипуляций с «энергией» носителей эзотерического языка. Их называют *энергеты*, *энергуи*, *маги*, и все они относятся к слою *алдовых*, поставляющему тех, кто способен выполнять функции групповых лидеров (преимущественно в *тионерской* среде). Именно они, как правило, владеют «энергетическим» языком осознанно: другие знают отдельные поверья об энергии, например, что

«энергетически опасно носить феньки, полученные от случайных людей», а можно только предназначенные лично тебе, но не понимают их логики, не могут перевести их в термины социальных взаимодействий. Их поведение в определенной степени управляется такого рода поверьями, но только олдовые сами могут творить поверья (описывать «энергетическим» языком конкретные жизненные ситуации) и читать их с помощью вышеописанного социального кода.

3.1. ОЛДА

Таким образом, эзотерический язык способствует возникновению и консолидации круга его носителей и творцов — собственно, слоя олдовых. Это третий уровень иерархии Системы: довольно узкий круг, всего несколько десятков человек. В ролевых сообществах это мастера игры, в индустриальных — носители *индейского духа*, в ФИДО-сообществах — *сисопы* (системные операторы, держатели узловых станций сети Фидонет). Они, как правило, лично знают друг друга, отношения варьируют от заочного знакомства до теплой и длительной дружбы или соперничества.

Существуют и специфические формы общения между представителями этого слоя. Мастера игры во время *полигонных* или *полевых* игр (когда ролевое сообщество собирается в лесу) устраивают отдельный бивак — *мастерятник*, за рамками собственно игрового пространства. Полевые игры проводятся, как правило, летом, в течение нескольких дней. Мастера же встречаются между собой и в другое время. Живущие в одном городе собираются и играют в *настольные* (*кабинетные, комнатные*) игры, что дает им возможность повысить мастерство и отработать сюжетные ходы, которые можно затем применить на местности. Иногда они играют всю зиму, с привлечением других, достаточно продвинутых, игроков, способных в ходе этих игр достигнуть уровня мастера. В кругу мастеров происходит и обмен психологическими знаниями, приемами управления, организации больших игр.

Как мы говорили, некоторая часть пост-Системы устраивает виртуальные тусовки в сети ФИДО (в отличие от Интернета, бесплатной). *Сисопы*, составляющие элиту компьютерной сети ФИДО, устраивают встречи в *оффаине* (вне виртуального пространства, обычно в пивной), называющиеся *сисопки* (тусовки сисопов), в отличие от *пивтовок* или *фидопоек*, куда приходят обычные *фидошники* — *пойнты* (point — в сети ФИДО обозначение обычного пользователя).

Каждый олдовый, будь он мастер игры, сисоп или просто старый тусовщик, — довольно известный в Системе человек, обладающий устойчивой репутацией и кругом сторонников. В отличие от основной массы Системы, обновляющейся через два—пять лет, слой олдовых сохраняется значительно дольше. Это хранители традиций, жи-

вая память Системы. Репутации их также многолетние, а потому друг о друге они знают практически все. Круг олдовых — это сетевая структура, где каждый прямо или заочно знаком с каждым. Связи носят личный, а не безличный характер, как в остальной Системе. В основе их лежит реальная практика взаимодействия, организации различных социальных проектов, а также обсуждение организационно-управленческих проблем, от приемов повышения статуса («потенциала») до проектов идеального сообщества. Именно в ходе подобных обсуждений формируется «энергетический» язык и все более обогащается выраженный с его помощью опыт социальных манипуляций, выработанный Системой. Появление нового *энергета, энергера, мага* (человека, владеющего этим языком и скрывающимися за ним приемами воздействия) вызывает внимание остальных представителей клана. Они встречаются с ним, обсуждают «энергетические» проблемы в надежде получить что-то новое для себя, затем делятся впечатлениями и определяют уровень его знаний. Так в сеть включается новый человек, но только если он оказывается интересен для остальных, т. е. имеет собственные присмы и взгляды на технику управления. Таким образом, расширение верхнего уровня иерархии связано с пополнением фонда традиции (кодов управления). Отношения в среде энергетов основаны на статусном равенстве, поддержании определенной дистанции и сохранении автономии, хотя они и участвуют периодически в общих организационных проектах. Это длительные и прочные связи, основанные на знании личностных черт и коммуникативных возможностей друг друга.

Итак, *олда* организована в сеть, основанную на длительных и личных связях. Связи эти горизонтальны, никто не претендует на возвышение — обсуждения обычно ведутся на равных. Заметим, что иначе просто невозможен эффективный и открытый обмен информацией. Однако эта горизонтальная, относительно стабильная и компактная сеть способна быстро доставляться за счет ядерных структур, с помощью которых в сферу ее влияния втягиваются непосвященные. Фактически каждый из владеющих энергетическим языком может время от времени становиться инициатором и центром консолидации ядерной структуры.

3.2. ХРАНИТЕЛИ

Следует остановиться на функциях сети олдовых в Системе. Наиболее важная из них — функция сохранения традиции, ее кодификации и трансляции. Именно в среде олдовых кристаллизуется символический язык тусовки, а также складываются мифоподобные сюжеты, в сжатой форме фиксирующие ее символику и нормы. Наряду с обычными *телеггами*, фиксирующими типовые ситуации и типовые реакции, т. е. нормативный комплекс Системы, следует отметить *телеги* этиологические,

повествующие о происхождении Системы, той или иной тусовки, практики, ритуала, символического предмета и проч. Практически каждый оловдовый человек может рассказать собственный вариант *телеги* о происхождении Системы, где обязательно будут отмечены ее основные нормы. Такие сюжеты можно считать наиболее сжатой формой фиксации кода сообщества. Приведем один из вариантов, частично уже цитированный нами в первой главе: «Вернемся к началу... Сначала было следующее. Не скажу, чтобы точно это так, но это как легенда. Ну, с конца шестидесятых. Битники эти были. Вызов обществу. Не признавали ничего. А потом какой-то скачок произошел. Один человек, который думал об этом, утверждает, что этот скачок не мог произойти так — как социальных феномен, — а просто... Приход был человечеству дан, чтобы могли остановиться и задуматься, куда мы идем. Откуда-то свыше... И было дано отрицание материальных благ, а взамен этого — какое-то другое отношение к людям. Это произошло в Штатах в конце шестидесятых. И среди молодежи произошли идеи, что все, что было до, — это вообще ерунда, что существует какая-то другая шкала ценностей, которая спасет мир... В городах это, потому что города — сосредоточение интеллектуальной молодежи. Эти отношения — обращение вокруг слова „любовь“. Отрицание всего, что принято, а выполнение только тех функций, которые нужны, чтобы жить. Потом это в Европу пошло, мировой Приход был. Потом это пришло в Россию. Началось с Москвы. В 1972 году, примерно. В один прекрасный день, кажется, 1 июня, в День защиты детей, вышли на Пушкинскую площадь, толпа. Эта фраза из Библии: „Живите как дети“ — в мире, спокойствии, не гонитесь за призрачными ценностями. Они вышли и сказали: вот мы представители этого движения, это будет система ценностей и система людей. Тогда возникло слово „Система“, это были умные люди, они все сделали». История эта в свернутой форме фиксирует код Системы: ее нормы, ценности, а также происхождение названия и один из главных символов («детскость»).

Роль своеобразной мифологии, как свернутого воплощения Системной традиции, играют также плоды творчества оловдовых. Московский художник и битломан Александр И-в показывал мне цикл своих картин: на одной — хиппи на полянке, в палатках, с лудочками, в полном прикиде; на другой — демонстрация хиппи против войны; на третьей — стрижка хиппи (очень значимый в этой среде образ): *хайр* под ножницами кровотоцит, на лице хиппи страдания, на заднем плане зеленая лужайка. Творчество такого рода фиксирует устоявшиеся символы и создает новые, некоторые из них прививаются потом на тусовке. Так случилось со многими строчками песен Б. Г., о которых уже забыли, что они принадлежат автору, и повторяют скорее как пословицы.

Когда Система была открыта прессой и социологами, оловдовых стали приглашать на различные конференции. Они поднимались к трибуне или на сцену и начинали излагать опять-таки этиологичес-

кие предания о возникновении и деградации Системы. Именно в форме мифологизированной истории отложилась в их представлении теория хиппизма. В действительности подобная этиология не столько история, сколько теория: не нужно быть точным в изложении происхождения — часто оно вообще придумывается, а потому и оказывается, что первые московские хиппи вышли на улицы то в 1968, то в 1972 году. Но обязательно необходимо точно и образно подчеркнуть основные ценности. История их происхождения фактически служит лишь способом фиксации внимания на самих ценностях.

Вербальный сюжет, живописный или графический образ и даже собственная внешность — формы, в которых оловдовый пилл запечатлевает Системную традицию. Это зерно, которые можно развернуть в текст: истолковывая различные элементы своей внешности и обстановки *флэта*, оловдовый раскрывает, по существу, весь комплекс норм Системы. Я спрашиваю Сольми о Системе — и он указывает на свою картину, объясняя ее символическое наполнение, на свой *хайр*, *приход* и разные вещи, имеющиеся в его комнате. Все для него — повод поговорить о том же: ненасильственном мире, естественной и *ненапряжной* жизни. Все воплощает Системную утопию. Именно в этом смысле он и говорил, что в любой вещи видит символ и с помощью любого символа видит мир. Любой символ, как зерно, разворачивается в текст, и текст этот можно сколь угодно детализировать, так что в максимально расширенном варианте он охватит всю Системную картину мира.

Отдельная тема — *флэты оловдовых*. Это действительно средоточие символов и лаборатория их поиска. Типичный пример — квартира Сталкера в Москве: в 1980-х это был странноприимный дом, куда постоянно *втискивались* приехавшие по *трассе* или беспринятые гости. В одной комнате жили Сталкер с женой, в другую на ночь вносили матрацы. Она пустая, зато в углу целая куча рукописей, оставшихся от странствующих и застигнутых в пути вдохновенных. На стенах картины. Обстановка (вернее, ее отсутствие) — вполне характерна для Системы и сама по себе служит символом. Гости сидят и читают, поют под гитару. Побывав на нескольких таких *флэтах*, неопит имеет все шансы усвоить основной набор Системных традиций. Можно услышать *трассные телеги*, благо что многие только что с *трассы* и утром вернутся туда же. В таких домах, как осадки на дне океана, скапливаются следы странников.

На хиповых *флэтах* периодически устраивают выставки *прикидов*: сюда свозят *фенечки*, куртки, торбы, обильно украшенные значками и надписями; а многое остается от временных постельцев, вышедших ненадолго и забывших вернуться.

Оловдовые играют в Системе роль хранителей традиции и ее систематизаторов. Они всегда придирчивы к новым поколениям тусовщиков. Характерны сетования на то, что сейчас Система уже не

та: «Была Система, — говорил мне, например, один старый хиппи из Питера, — а сейчас это просто... видеозамененное... Идея — она была чиста, как стекло. Но когда идею начали воплощать в жизнь, она начала обрастать какими-то наслоениями, ответвлениями...» Ориентация на прошлое — характерная черта любого хранителя традиции, поскольку они сверяют реальность с идеальным прошлым мифа. Собственно, история снова выступает только образом теории; реальность не может соответствовать норме, и норма относится в прошлое, где она якобы воплощалась в действительности. Фактически, прошлое играет роль иного мира, никогда не существовавшего и принципиально недоступного проверке — места воплощения идеала. Когда говорят о «деградации» современных хиппи, фактически просто указывают на несоответствие реального поведения провозглашаемому нормам, реальности — идеалу.

Итак, в выполнении функций воспроизводства традиции включены элита и периферия Системы: *пионеры* (неофиты) и *олдовые*. Функции ее хранения, пополнения и кодификации выполняет сеть олдовых, функции трансляции — ядерные структуры, объединяющие вертикальными связями (отношениями управления — подчинения) олдовых и неофитов. Культурные коды обеих структур транслируются посредством «энергетического» или других вариантов мистического языка. Следовательно, структуры воспроизводства способны транслировать себя независимо и отдельно от функциональных структур (в Системе — атомарной), с их нормативным комплексом и моделью базовой личности. Иными словами, после возникновения «энергетического» кода ядерная структура может воспроизводить самое себя, не осуществляя функций передачи во времени норм и ценностей Системы, для чего она первоначально возникает.

Функциональная и воспроизводящая подсистемы в действительности разделены. Наблюдая Систему, мы фиксировали коммуникативный барьер между ее элитой и неофитами, с одной стороны, и средним слоем (собственно пиплом) — с другой. Пипл действительно живут или стремятся жить по провозглашаемому принципам, реализуя заложенный в них код горизонтальных отношений — нормы эгалитарной, неиерархической структуры, в то время как Системная *олда* реализует иерархию. Большинство тусовщиков это отталкивает: «Старые, олдовые пипл — они потом часто еще ходят в Сайгон, часто вырываются: есть даже такие люди, лет под сорок. Но это уже дегенераты: переходят на такие расклады — ну на „вы“ чтоб их называли... Неравенство». Претензия на более высокое положение, с точки зрения Системных норм, выглядит деградацией. Некоторые считают, что в лидеры стелит только неспособный выразить себя в творчестве: «Лидеры в Системе, — говорили мне, — часто творческие импотенты. Они направлены на это, чтобы быть лидером...» Это мнение существует несмотря на то, что многие из *олды* реально проявили себя в изо-

бразительном искусстве или альтернативной музыке. Но и в этом случае человек, что-либо возлагавший, даже неформально, теряет привлекательность в глазах пипла Системы: о довольно известном на московских тусовках 1980-х человеке по имени Джокер, имевшем многочисленных последователей, например, говорили, что «он интересный: он и художник, и поэт, и все на свете. Но в последнее время о нем очень плохие слухи идут... Про него говорят очень плохо...» У нормального (в смысле — соответствующего нормативному комплексу Системы) пипла принцип иерархичности сам по себе вызывает отторжение: «Мир при наличии „петухов“, которых все „опускают“, и „паханов“, которым все лижут задницы? — вопрошает один из участников эхо-конференции RU.HIPPIES (2002). — Спасибо, не надо. Я знаю питерских „хиппи“, которые так строят свой мир — кому нравятся, могут идти туда. Мы же строим здесь совершенно другое общество. Без „петухов“ и „паханов“. Оно возможно, как бы это ни казалось неожиданным некоторым, воспитанным в мире олды. Любви!»

Элита и периферия Системы (*олда* и *неофиты*) — не столько носители, сколько хранители традиции. С этой функцией, как мы уже говорили, связана повышенная внешняя знаковая тех и других: обилие фенек, нарочито потрепанный *прикид*, старательно выращенный хипповский (панковский, растаманский) *хаир* — представляются обычному пиплу неестественными и рассматриваются как «оттенок пионерии». В результате возникает барьер между носителями традиции и системой ее воспроизводства (хранителя — неофиты), так что вся структура сообщества распадается на две относительно самостоятельные подсистемы. Они различаются в первую очередь конфигурацией межличностных связей: в системе воспроизводства преобладают вертикальные, в среднем слое — горизонтальные. Формируются и различия в стиле поведения, весьма ощутимые теми и другими.

Примечания

¹ О лидере-художнике см.: Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Критический анализ (Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь). М., 1980. С. 225–242; Щепанская Т. Б. Лидер — художник: символы и социальное управление // МИФ: мифология, искусство, фольклор. София, 1989. С. 108–120.

² SONEN A. P. Political Anthropology: The Analysis of the Symbolism of Power Relation / Man. N. S. 1969. Vol. 2. June. P. 220.